новые материалы
и исследования
по истории
русской культуры

02

блокаде
ства очевидцев
еское
общества

память о блокаде
свидетельства очевидцев
и историческое
сознание общества

Новые материалы и исследования
по истории русской культуры

Сборник статей

Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования

«Новое издательство»

2010

Сборник статей

Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования / Сборник статей — «Новое издательство», 2010 — (Новые материалы и исследования по истории русской культуры)

Настоящее издание представляет результаты исследовательских проектов Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» и «Блокада Ленинграда в коллективной и индивидуальной памяти жителей города» (2001–2003), посвященных анализу образа ленинградской блокады в общественном сознании жителей Ленинграда послевоенной эпохи. Исследования индивидуальной и коллективной памяти о блокаде сопровождает публикация интервью с блокадниками и ленинградцами более молодого поколения, родители или близкие родственники которых находились в блокадном городе.

© Сборник статей, 2010
© Новое издательство, 2010

Содержание

Предисловие 5
Примечания 11
I 12
Основные принципы публикации текстов интервью 12
Примечания 13
Интервью с Николаем Викторовичем 14
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Память о блокаде Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования

Предисловие

Эта книга представляет результаты работы двух исследовательских проектов, реализованных в Центре устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2001–2003 годах. Первый проект назывался «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» (руководитель – к.и.н. Е. И. Кэмпбелл). Второй, его продолжение, – «Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города» (руководитель – к.и.н. В. В. Календарова). «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» – проект в рамках программы создания учебного центра подготовки специалистов в области устной истории, осуществлявшейся в Европейском университете в 2001–2002 годах. Благодаря этой программе в Центре устной истории сформировалась группа исследователей, сотрудников и аспирантов университета. В ходе двухлетней работы участниками проекта была собрана коллекция интервью с людьми, пережившими блокаду Ленинграда 1941–1944 годов, а также с представителями послевоенного поколения, чьи родители находились в городе во время блокады.

Результаты этих двух проектов и легли в основу настоящего издания. Представленные здесь статьи разных авторов объединяет и одновременно отличает их от огромного количества исследований, посвященных блокаде Ленинграда, тот факт, что в центре внимания здесь находятся не столько реальные события рассматриваемой эпохи, сколько отражение этих событий в сознании современников и их потомков. Тот образ или те образы блокады, которые оказались запечатленными в самых разных формах – в исторической литературе, официальных изданиях, на страницах ленинградской печати послевоенных десятилетий, в архитектурных памятниках, и наконец, в памяти простых ленинградцев, переживших войну и блокаду.

Блокада получила отражение во многих дневниках и мемуарах. Безусловно, не является чем-то принципиально новым и запись устных рассказов очевидцев и участников блокады: достаточно вспомнить здесь выдающийся памятник отечественной документалистики «Блокадную книгу» Д. Гранина и А. Адамовича, не говоря уже о множестве любительских записей, сделанных в разные годы участниками школьных поисковых отрядов, краеведческих кружков, различных общественных объединений и движений. Другое дело, что профессиональные историки не так уж часто обращались к этим документам как к историческим источникам – особенно если речь шла о воспоминаниях рядовых ленинградцев, не принимавших значимых для судеб города решений. С одной стороны, их рассказы зачастую не представляли существенного интереса для исследователей, изучавших блокаду Ленинграда с точки зрения «большой истории» – хода Великой Отечественной войны, политической и военной истории страны в середине XX века. Большинство фактов, упоминавшихся в этих свидетельствах и относящихся к деятельности различных советских и партийных организаций, армейских формирований, промышленных предприятий, учреждений науки и культуры в блокадном городе, все равно нуждалось в проверке по документальным источникам и подчас страдало значительными неточностями. С другой стороны, воспоминания жителей блокадного города, особенно устные рассказы, несли и несут в себе огромный эмоциональный заряд, правду личного опыта свидетеля и участника исторических событий. Историку, особенно родившемуся уже после войны,

психологически сложно подходить к этим рассказам с той же меркой, с какой он подходит к любому другому свидетельству: ведь это неизбежно означает подвергать оценке, определять степень достоверности, соизмерять с какими-то другими данными, возможно, даже оспаривать. Конечно, свою роль здесь сыграли и известные идеологические ограничения советского периода, и просто те этические рамки, которые устанавливает любое цивилизованное общество при обсуждении вопросов жизни и смерти в предельно экстремальной ситуации. Однако думается, что все же самой серьезной преградой, стоящей на пути анализа воспоминаний людей, переживших блокаду, является особое место, отводимое этим рассказам в общественном сознании эпохи, не утратившей еще эмоциональную связь с событиями военных лет. Воспоминания блокадников, как и других рядовых участников войны, обладают в глазах современников непререкаемым нравственным авторитетом и потому занимают в сознании общества особое пространство, отличное и даже противоположное по духу профессиональной историографии.

Заметим, что воспоминания блокадников лишь высвечивают эту проблему с особой остротой – их критический разбор может особенно болезненно восприниматься ленинградцами старшего поколения. Кроме того, эта проблема неизбежно возникает, когда речь заходит о том, каким образом следует историку, да и просто читателю, подходить к воспоминаниям людей, чья эпоха еще не канула безвозвратно в прошлое.

Как известно, устные рассказы очевидцев использовались историками еще со времен Геродота. Однако, по мере того как ученые занятия историей превращались в науку, то есть в особую область институционализированного знания, вполне доступного лишь специально подготовленным профессионалам, рассказы людей о прошлом, передающиеся в устной традиции, вызывали все меньший интерес и доверие исследователей. Становление исторической профессии во второй половине XIX – первых десятилетиях XX века было теснейшим образом связано с формированием позитивистской парадигмы в историографии, как известно, ставившей задачу объяснить прошлое исходя из эмпирических фактов, воссоздаваемых путем изучения и критики документальных источников. Напомним, что в соответствии с этой задачей все источники располагались в иерархической последовательности по степени их ценности для исследователя. Источники личного происхождения при этом оказывались на нижних ступенях такой иерархии за неизбежно присущий им субъективизм. Дневники всегда ценились выше мемуаров (поскольку к субъективизму автора в мемуарах добавляются еще искажения, внесенные позднейшей переоценкой и переосмыслением событий), а устные воспоминания не рассматривались вовсе – очевидно, как не являющиеся настоящими свидетельствами о прошлом. В такой перспективе профессиональная историческая наука представлялась явлением, в корне отличным от бытующей в обществе традиции – коллективной памяти о прошлом[1].

XX век, однако, внес свои коррективы. С одной стороны, колоссально изменились средства коммуникации: появление телеграфа, телефона, радио и телевидения, авиасообщений самым радикальным образом сказалось на характере источников, с которыми историкам приходится сталкиваться в своей работе. С другой стороны, изменение социальной структуры общества в XX веке, его демократизация, особенно заметная в Европе и Америке в послевоенные десятилетия, привела к тому, что сфера интересов исторической науки значительно расширилась – в поле зрения историков попала повседневная жизнь обычного человека. Эти процессы (изменения в средствах коммуникации и стремление к демократизации исторической науки) и привели к появлению «устной истории» – особого направления исторической науки, ориентированного на работу с устными рассказами-воспоминаниями.

В нашей стране сам термин «устная история» стал использоваться сравнительно недавно. Его появление в работах конца 1980-1990-х годов несомненно связано с обращением отечественных историков к опыту своих зарубежных, в первую очередь западноевропейских и североамериканских, коллег, знакомство с которым по-настоящему состоялось только в годы пере-

стройки. Между тем и в нашей стране в 1920-1930-е годы инициированием и записью устных воспоминаний очень активно занимались исследователи, изучавшие историю профсоюзного движения, историю Гражданской войны, историю фабрик и заводов. Очевидно, однако, что в условиях жесткого идеологического контроля эти начинания неизбежно рано или поздно ставили исследователей в сложное положение – хотя бы уже потому, что они с очевидностью обнаруживали существование в советском обществе различных настроений, «неудобных» воспоминаний, неортодоксальных интерпретаций прошлых событий. Свою роль, вероятно, сыграло и то обстоятельство, что советская историческая наука твердо усвоила основные принципы позитивистского подхода к истории – и потому устные воспоминания, как источники личного происхождения, к тому же сильно отстающие по времени от описываемых в них событий, расценивались серьезными исследователями достаточно скептически. Таким образом, к началу перестройки запись и изучение устных рассказов о прошлом воспринимались как занятие для любителей-краеведов или представителей других профессий (писателей, журналистов), но не для профессиональных историков[2]. В силу этих обстоятельств устная история представляется многим лишь результатом заимствования. Можно сказать, что история устной истории в нашей стране еще не написана. Главное же – очень многие вопросы, принципиальные для понимания особенностей и границ возможностей устной истории как метода исследования, только становятся в России предметом широкого обсуждения среди историков, социологов, журналистов, словом, всех тех, кто использует в своей работе устные рассказы о прошлом. Поэтому мы неизбежно вынуждены повторять здесь некоторые основополагающие положения, выдвинутые несколькими десятилетиями ранее, в ходе подобных же споров и дискуссий среди историков в различных странах Западной Европы и Северной Америке (об истории возникновения устной истории в странах Западной Европы и Северной Америки см.: Бэрг 1976; Урсу 1989; Лоскутова 2000: 5-31; Томпсон 2003а; Thompson 1988; Oral History 1996).

Вполне естественно, что в первые десятилетия своего существования на Западе (1950-1970-е годы) устная история, желая доказать свое право на существование в университетах и исследовательских центрах, стремилась следовать канонам, выработанным позитивистской историографией. Исследователи, использовавшие в своих работах методы интервью, ставили своей целью прежде всего поиск фактов, не отраженных в известных письменных документах, подчеркивая достоверность устных рассказов, способность человеческой памяти – подобно письменным источникам – сохранять информацию на протяжении длительного времени. Для некоторых представителей социальных наук такое прочтение устной истории, в первую очередь как метода сбора данных о событии, актуально и по сей день[3]. В то же время часто у тех, кто в первый раз сталкивается с этим направлением, возникает впечатление, что устная история – это своеобразное «окно в прошлое», альтернативный профессиональному историческому исследованию способ проникнуть в навсегда ушедший мир. Если историки реконструируют прошлое по документам, то рассказчик-очевидец и участник событий воспринимается аудиторией как «живое свидетельство», его воспоминания, как может показаться, способны заменить собой анализ и комментарий и позволяют читателю или слушателю «увидеть» прошлое «своими глазами».

Концептуальная несостоятельность и наивность подобного отношения к устной истории (столь свойственного очень многим представителям этого направления в Европе и Северной Америке в конце 1960-х —1970-е годы) была хорошо продемонстрирована целым рядом работ (см., например: Frisch 1979; Фриш 2003: 52–65). Действительно, в интервью мы неизбежно видим прошлое глазами респондента, к тому же отстоящего от описываемых событий на многие десятилетия своей жизни. Речь идет не только о том, что прошлое забывается: меняются взгляды рассказчика на окружающий мир, на историю своей страны, на свою собственную жизнь – и эти изменения, безусловно, отражаются в его воспоминаниях. С точки зрения позитивистской историографии эта особенность интервью – его ощутимый недостаток как истори-

ческого источника: только последовательно и настойчиво применяя специальные приемы исторической критики, из него можно вычленить крупицы «фактов», отбросив все субъективные суждения респондента как ненужный материал. При таком подходе, однако, мы рискуем полностью выхолостить рассказ очевидца и участника событий. К тому же, закрывая глаза на субъективизм рассказчика или вынося его «за скобки» исследования, историк невольно рискует поддаться соблазну и придать статус «факта» тем взглядам респондента, которые созвучны его собственной позиции. Между тем все другие суждения и оценки рассказчиков будут им отброшены как несущественная для дела «интерпретация» неспециалиста.

Поэтому интерес исследователей в последние несколько десятилетий вполне закономерно сместился в сторону изучения субъективной стороны воспоминаний. Внимание ученых оказалось привлечено не столько к поиску неизвестных фактов, сколько к их интерпретации представителями различных групп и слоев общества. Для нового поколения историков субъективизм устных повествований перестал олицетворять недостаток этого вида источников, став достоинством. Примерами подобных работ могут служить известные исследования А. Портелли, Л. Пассерини, Л. Нитхаммера, Г. Розенталь, посвященные проблемам самосознания и исторической памяти итальянского рабочего класса периода фашистской диктатуры и послевоенного периода, общественного сознания и исторической памяти жителей Западной и Восточной Германии, переосмысления ими всей эпохи национал-социализма и Второй мировой войны (Portelli 1991:1-26; Passerini 1987; Niethhammer 1995; Rosenthal 1989; Rosenthal 1993). Эти работы оказали на нас стимулирующее воздействие, во многом послужив образцом для исследования взаимодействия индивидуальной и коллективной памяти о блокаде Ленинграда. Особенно притягательным для нас в этих исследованиях оказалось стремление их авторов внимательно отнестись к тому, как сами респонденты интерпретируют события своей жизни, жизни своего города, своего класса, своей страны. Анализ и оценка прошлого, всегда имплицитно присутствующие в рассказах интервьюируемых, не отбрасывались этими авторами как заведомо «ненаучные», малоинформативные суждения «людей с улицы», не посвященных в тайны большой политики. Напротив, именно сложный процесс постоянного осмысления и переосмысления своей судьбы в контексте истории всего общества находится в центре исследовательского внимания в названных здесь работах. Именно в таком ключе мы стремились подойти к собранным нами интервью, посвященным истории блокады.

Устные воспоминания, собранные историками, всегда субъективны. Не только потому, что они отражают субъективные взгляды респондента, – в них неизбежно отражается и личность исследователя, проводящего интервью. Всякому, кто занимался устной историей, знакомо чувство: проводи это интервью другой человек, в другой день, в других обстоятельствах, все было бы иначе, и рассказ респондента был бы совсем другим. Эта особенность присуща устной истории, в ней, возможно, заключается главный недостаток этого направления с точки зрения исследователей, привыкших работать с письменными документами, но в ней же заключена и та притягательная сила, которая побуждает людей заниматься собиранием и изучением устных рассказов-воспоминаний. В настоящем издании каждый из авторов предлагает свою интерпретацию интервью, собранных им или его коллегами из Европейского университета в Санкт-Петербурге. Мы осознаем, что исследовательское прочтение, исследовательская трактовка этих воспоминаний может радикально расходиться с тем, как понимают свой рассказ и описываемые в нем события сами респонденты. Предлагаемая здесь интерпретация ни в коей мере не отрицает право жителей блокадного Ленинграда самим решать, чем были для них и для города, для страны в целом трагические и героические события 1941–1944 годов. Авторы лишь предлагают читателю свое осмысление этих воспоминаний в контексте нашего общего исторического прошлого.

Такое понимание устной истории не только сместило акценты с прошлого на настоящее, но и интегрировало подходы различных гуманитарных дисциплин: истории, социологии,

социолингвистики и тому подобное. Книга, созданная по результатам этих двух проектов, включает статьи специалистов, представляющих различные дисциплины – историков, этнологов, искусствоведов, чьи работы связаны с изучением механизмов формирования образа блокады Ленинграда в общественном сознании, в памяти жителей блокадного города и их потомков. Внимание исследователей привлекли не только те представления о блокаде, которые восходят к личному биографическому опыту ее свидетелей, но и те, что сложились в официальном советском дискурсе послевоенных лет. Именно это определило структуру сборника. Несмотря на то что основное внимание в предлагаемых здесь авторских статьях уделено не самому событию, а его репрезентации, публикуемые здесь воспоминания о блокаде представляют интерес и для более традиционного подхода к анализу устных источников, как содержащие интересный материал о быте, социальных связях ленинградцев в предельно экстремальных условиях жизни в блокадном городе.

Первую часть книги составляют интервью с жителями блокадного Ленинграда, а также с теми ленинградцами, кто родился уже после войны, но чьи родители или другие ближайшие родственники пережили блокаду. Публикация полных текстов интервью, как мы полагаем, позволяет, с одной стороны, познакомиться с тем, что рассказывают и как понимают блокаду наши респонденты, вводит в оборот новый, не использованный ранее круг источников, а с другой – дает возможность самому читателю заглянуть в мастерскую исследователей, согласившись или, наоборот, оспорив их интерпретации, представленные в этой книге.

Вторая часть сборника посвящена анализу интервью. Исследователей интересовали особенности передачи памяти о ленинградской блокаде в воспоминаниях жителей города – непосредственных свидетелей блокады и следующего за ними поколения ленинградцев. Индивидуальная память, символы и риторика в рассказах о блокаде – основа этой главы. Не секрет, что для многих жителей современного Петербурга блокада связывается не столько со школьными уроками истории, сколько с историей своей семьи. Устные свидетельства, основанные на личном опыте или опыте родственников, поэтому становятся одним из наиболее значимых источников в изучении истории памяти о блокаде. Авторы не оспаривают интерпретации событий блокады информантами и не предлагают новой версии; их интересуют причины и условия возникновения того взгляда на блокадное прошлое, которое нашло отражение в анализируемых интервью.

Наконец, третью часть книги составили исследования, в которых рассматривается коллективная память советского общества о блокаде Ленинграда. Очевидно, что для подавляющего большинства обычных людей, не причастных к принятию судьбоносных для страны решений, история предстает именно в виде их собственной биографии. Поэтому, когда в их рассказах возникают темы и образы «большой истории», обобщения и оценки событий, выходящих по своему масштабу и значимости за рамки их повседневного бытия, информанты неизбежно обращаются к уже существующим в обществе моделям осмысления истории. Эти модели не просто служат объяснению смысла прошедших событий – они истолковывают прошлое с точки зрения интересов сегодняшнего дня. Воспоминания о прошлом, как наглядно показал еще М. Хальбвакс, вызываются к жизни потребностью общества в обосновании и осмыслении современности. В Советском Союзе коллективная память общества, безусловно, находилась под жестким идеологическим контролем. Было бы ошибкой, однако, полагать, что контроль и манипулирование исторической памятью – явления, свойственные лишь социалистическим или «тоталитарным» режимам. С течением лет менялось и само советское общество, Советское государство, его идеология, в жизнь вступали новые поколения, родившиеся уже в послевоенное время, соответственно изменения претерпевала и память о блокаде. В статьях этого раздела книги представлен анализ данных изменений в различных сферах, где формируется и находит выражение коллективная память общества – в периодической печати и документальном кино, в исторической литературе, в монументальных памятниках.

Авторы сборника отдают себе отчет в ответственности, ложащейся на каждого, использующего интервью в качестве источника для написания научного исследования. Поэтому во избежание возможных проблем все имена информантов в настоящем издании вымышленные (об этом подробнее см. в специальном разделе о принципах публикации текстов интервью), а все ссылки на интервью приведены без указания имен и фамилий информантов (в тексте статей указывается только номер интервью в архиве Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге).

Авторы и составители сборника выражают глубокую признательность всем откликнувшимся на идею проектов и согласившимся принять участие в интервьюировании.

Оба проекта – «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» и «Блокада Ленинграда в индивидуальной и коллективной памяти жителей города» – оказалось возможным осуществить благодаря внутренним грантам Европейского университета в Санкт-Петербурге 2001 и 2002 годов и финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Катерин Т. МакАртуров и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Проведение международной зимней школы «Устная история: теория и практика» и международного семинара «Война и память» стало возможным благодаря сотрудничеству Европейского университета в Санкт-Петербурге с Индианским университетом (США).

Мы приносим благодарность инициатору создания Центра устной истории первому ректору Европейского университета в Санкт-Петербурге Б. М. Фирсову за неоценимую помощь и неизменную поддержку, без которой была бы невозможна реализация двух исследовательских проектов. Мы выражаем также глубокую признательность первому руководителю Центра устной истории Е. И. Кэмпбелл за огромную работу, сделанную для открытия Центра и налаживания его работы в первый год существования.

За участие в работе двух проектов на разных этапах мы благодарны ведущему научному сотруднику Санкт-Петербургского института истории РАН С. В. Ярову, а также аспирантам и сотрудникам Европейского университета в Санкт-Петербурге И. Е. Гусинцевой, Е. В. Ведерниковой, И. Н. Толстых, Т. К. Никольской, А. В. Чекмасову, О. В. Малиновой, Г. Г. Лисицыной.

За сотрудничество и советы приносим благодарность: заведующему Отделом новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН А. Н. Цамутали, директору Центра независимых социологических исследований В. М. Воронкову, докторанту Университета Констанц (Германия) Андреа Земсков-Цюге, директору Французского колледжа в Санкт-Петербурге Элеоноре Мартино-Фристо, сотрудникам Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» Ирине Флиге и Татьяне Косиновой (Санкт-Петербург).

Мы также глубоко признательны за помощь в ходе работы над проектами и над написанием текстов, вошедших в сборник, за советы и поддержку, за конструктивную критику нашей деятельности преподавателям и сотрудникам Европейского университета в Санкт-Петербурге М. М. Крому, Д. А. Александрову, Н. Д. Потаповой, С. А. Штыркову, Ж. В. Корминой, А. В. Куприянову, О. А. Ткач, О. В. Калачевой.

Кроме того, хотим сказать отдельное спасибо системному администратору Европейского университета в Санкт-Петербурге Д. Ю. Милютину и администратору факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге И. В. Гуркиной за техническую помощь и дружескую поддержку, неизменно оказываемую нам в течение двух лет работы.

Примечания

[1] Именно таких взглядов придерживался, в частности, один из крупнейших теоретиков коллективной памяти, французский социолог М. Хальбвакс, противопоставлявший подходы историков и мемуаристов (см.: Halbwachs 1950: 78–87).

[2] С этой точки зрения, безусловно, заслуживает внимания статья Т. А. Ильиной (1973: 27–32), посвященная осмыслению опыта экспедиции преподавателей и студентов Калининского педагогического института и Калининского областного краеведческого музея в колхоз Молдино Удомельского района Тверской (тогда Калининской) области в 1965–1966 годах. В ходе этой экспедиции были записаны воспоминания местных жителей о революционных событиях 1905 и 1917 годов, Гражданской войне, коллективизации и Великой Отечественной войне. Это едва ли не единственная публикация в исторической литературе 1970-х – первой половины 1980-х годов, посвященная устным воспоминаниям как историческому источнику. Только с конца 1980-х годов на русском языке появляются первые публикации, посвященные «устной истории» (калька с английского термина *oral history).* При этом невозможно отрицать влияние западноевропейской и североамериканской историографии на развитие этого направления (см.: Виноградов, Рябов 1986: 6-16; Урсу 1989: 3-32; Писаревская, Ляшенко 1989; Никитина 1990: 210–216; Рожанский 1990:141–150; Коляда 1990: 25–30; Хубова 1997)/

[3] Так, в одном из новейших учебных пособий по социальным исследованиям ему дано следующее определение: «Устная история – это фактуально точное воссоздание определенных исторических событий. В ее фокусе не субъективный опыт деятеля, а *историческое знание о событиях, процессах, движущих силах и причинах.* Устные истории, рассказанные участниками событий, используются для накопления такого исторического и фактического материала» (Девятко 2003: 69).

Татьяна Воронина, Виктория Календарова, Марина Лоскутова

I
Устные свидетельства жителей блокадного Ленинграда и их потомков

Основные принципы публикации текстов интервью

Публикуемые ниже интервью с людьми, пережившими блокаду Ленинграда, входят в состав коллекции устных воспоминаний, собранной исследовательским коллективом Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге в ходе работы проектов «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» (2001–2002; руководитель – Е.И. Кэмпбелл) и «Блокада в индивидуальной и коллективной памяти жителей города» (2002–2003; руководитель В. В. Календарова)[1].

Научная цель, которую мы преследуем, издавая интервью, – возможность аналитического использования представленных текстов представителями различных научных дисциплин (историками, социологами, филологами, психологами) – заставляет нас публиковать интервью без купюр[2], редактирования и стилистической правки. В то же время этические соображения побуждают нас заменить подлинные имена информантов вымышленными. Мы понимаем, что эта практика анонимности информантов, широко распространенная в социологических публикациях, вступает в некоторое противоречие с подходом, традиционным для исторической науки, стремящейся к максимальной документальной точности и доказательности. Предвидя возможные возражения со стороны коллег по историческому цеху, мы хотим сказать, что подлинные имена информантов скрыты, чтобы их интересы не были болезненно задеты – в случае если наши собственные или чьи-либо последующие интерпретации опубликованных воспоминаний не совпадут с мнением рассказчика.

Мы полагаем, что эти опасения особенно актуальны, когда биографические интервью, содержащие большой пласт информации о личной жизни рассказчика и его окружения, публикуются дословно. Также из этических соображений все имена и фамилии родственников и знакомых, упоминаемые информантами в интервью, заменены инициалами; скрыты точные адреса проживания информантов в годы блокады, в некоторых случаях упоминавшиеся в интервью.

С научной точки зрения оправданием принятого нами решения сохранить анонимность информантов служит наша искренняя убежденность в том, что для качественного подхода в социальных исследованиях, к которому большинство из нас относят сферу своих научных интересов, вопрос персоналий не является определяющим. Биографический рассказ, хотя и привлекает исследователя возможностью повышенного внимания к нюансам и особенностям отдельной биографии, не требует непременной идентификации личности респондента.

В публикуемых текстах интервью сохранены все особенности устной речи, оговорки, оставлены в первоначальном виде незаконченные слова и фразы. Зафиксированы вокализованные и невокализованные паузы (длительность паузы указывалась приблизительно: многоточие для короткой паузы, *«пауза»* или *«продолжительная пауза»* для более долгих), а также некоторые невербальные компоненты взаимодействия *(«смеется», «усмехается», «плачет»). В* то же время мы сознаем, что публикуемые тексты не могут быть свободными от искажений, неизбежных при любой попытке перевода устного текста в письменный: «Любой перевод из одного контекста в другой предполагает множество суждений и решений» (Квале 2003:162). И в нашем случае, как и при любой транскрипции, деление текста на фразы, расстановка знаков

препинания и ряд других, безусловно значимых для интерпретации, моментов определяются решением исследователя, а значит, влекут за собой неизбежное искажение материала. Осознавая неизбежность подобных искажений, мы стремимся лишь уменьшить их степень, принимая точку зрения, согласно которой определяющим фактором для выбора степени подробности расшифровки является его полезность для целей исследования: «Так, дословное описание необходимо для лингвистического анализа, включение пауз, повторений и тона голоса соответствует, например, психологической интерпретации уровня тревоги или смысла отказа» (Там же, 165–166). Отказавшись от литературной правки текстов интервью и точного следования правилам письменной речи, мы надеемся расширить круг возможностей использования данных текстов, адресуя их вниманию исследователей из разных научных дисциплин.

Примечания

[1] Подробнее об этих проектах см. в нашей статье в настоящей книге.

[2] В отношении купюр в данной публикации сделано одно исключение. Из интервью с информанткой, названной нами в данной публикации Татьяной Антоновной, по этическим соображениям был изъят небольшой отрывок, в котором речь шла о некоторых событиях из жизни родственников этой женщины в относительно недавнем прошлом (см. сноску в соответствующем месте текста интервью). Мы пошли на этот шаг, поскольку не можем гарантировать, что упоминаемые лица не узнают здесь как себя, так и саму рассказчицу.

Виктория Календарова

Интервью с Николаем Викторовичем

Интервьюер: Итак, сегодня 21 мая 2002 года. Мы находимся в Центре устной истории… Мой собеседник – Николай Викторович. Итак, расскажите, пожалуйста, для начала о себе: кто ваши родители, когда вы родились – о своей жизни.

Информант: Родился 5 августа 1932 года в городе Красногвардейске Ленинградской области. Так в то время называлась Гатчина – Красногвардейск. Вот. Почему там родился? Очень просто: мама выехала на дачу, и получилось так, что я[1] там вот на даче и родился. Хотя я всю жизнь прожил в Ленинграде. Правда, месяцев, наверное, восемь был в Москве. Мама у меня тоже некоторое время жила в Москве. И вот она меня взяла с собой, но я к ней, к московской жизни, так и не мог привыкнуть. Было это в 38-м году, все-таки мне уже шесть лет было. Седьмой год шел. Я очень хорошо помню. После Ленинграда московская жизнь мне что-то не понравилась. А так вот я… Сначала жил на 10-й Советской улице. А потом в 39-м году мои родители поменялись, и мы переехали на Большую Московскую[2]. Жили мы вместе с бабушкой и дедушкой вместе. Вообще, корни мои очень интересно уходят в пригороды Ленинграда. По маме вот эти корни уходят в село Рыбацкое. Там родители моей бабушки – ее мамы – вот они родом оттуда, из села Рыбацкого. А по отцу корни уходят в Удельную.

Интервьюер: Уже не пригороды.

Информант: Вот теперь это все в городе. И, к сожалению, не сохранились дома ни в Рыбацком, ни в Удельной. Моих предков. Вернее, не предков, а родственников предков. Вот. А я вот, таким образом, значит, считаю себя коренным ленинградцем. До войны я успел начать учиться в школе. Школа № 300 на углу Большой и Малой Московской. Она до сих пор существует, эта школа. Окончил первый класс на одни «отлично», но почему-то похвальной грамоты не дали. Не знаю, наверное, просто первоклассникам не давали. И после окончания мы с мамой уехали в пионерский лагерь. Под Лугу. Там есть такое озеро – Череменецкое. И вот на Череменецком озере, в старинном дворце князя Львова, был пионерский лагерь. Мама работала в этом пионерском лагере бухгалтером, и она меня, значит, соответственно, с собой взяла туда. Вот там-то 22 июня я и узнал о начале войны. Вот я многих спрашивал… Не я спрашивал, другие спрашивали – вот, действительно, вот день 22 июня – он всем врезался в память. Всем. Хотя сам по себе ведь этот день для многих он был ну ничем не примечателен. Ну вот узнали о том, что началась война. Но ведь, скажем, для ленинградцев-то, не нужно забывать, что для нас это была вторая война. Что ведь советско-финская война 39-го года – она краешком задела Ленинград. Ленинград тогда первый из всех советских городов узнал затемнение. Он уже был объявлен тогда прифронтовым городом. И было введено затемнение и все сопутствующие неприятности прифронтового города. Хотя бед мы тогда, конечно, никаких не испытали. Но для нас уже было известно, что такое война. Вот и тут тоже началась война, в общем-то, которую мы все ждали. Все знали, что будет война. И Аркадий Гайдар нас к этому готовил… О том, что будет война. И в школе недаром вот сдавали нормы. ОСОАВИАХИМ[3] – общество содействия армии… ОСОАВИАХИМ – армии, авиации и химической защиты. Тогда так…

---

[1] Информант родился в 1932 году. Во время блокады жил с матерью, бабушкой и дедом на Большой Московской улице. Награжден медалью «За оборону Ленинграда», принимает активное участие в работе общества блокадников. Интервью проходило в Центре устной истории ЕУ СПб. 21 мая 2002 года. Общая продолжительность аудиозаписи интервью – 248 минут. Интервьюировала И. Гусинцева. Архив Центра устной истории ЕУ СПб. Интервью № 0101022. Имя и отчество информанта изменены.

[2] В полном тексте интервью назван полный адрес информанта.

[3] Массовая общественная организация, название которой расшифровывалось как Союз обществ содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР. Была образована в 1927 году в результате слияния Общества содействия обороне (ОСО), Общества друзей воздушного флота (ОДВФ) и Общества друзей химической обороны и химической промышленности (Доброхим СССР). После Второй мировой войны Осоавиахим было переименовано в ДОСААФ.

Так называлось тогда. И значки БГТО, ГТО и значки «Ворошиловский стрелок»[4]. Так что потихонечку все готовились к этой войне. И вот вышедший перед войною фильм «Тимур и его команда»[5] – он ведь уже, по существу он уже немножко дышал войною, то же самое. И все-таки, конечно, было неожиданно, когда она началась. А был жаркий день. В этот день мы купались в озере. И когда вернулись с купания к обеду – вот тут об этом мы и узнали, что началась война. И вот тоже интересная такая подробность, которая врезалась в память. Большой был лагерь. А вот тут все, во всех отрядах ребята разбились на группки – вот кто с кем дружил – вот они в этих группках оказались. И все вот там стали обсуждать это событие между собою. И мы тоже, хотя я был в младшем отряде. Мы тоже. Нас было трое друзей. Двое мальчиков и одна девочка. Мы тоже уединились, стали обсуждать это. И вот кто-то из нас, я не помню, сказал, что теперь, наверное, немцы опять будут зверствовать и бросать в огонь детей. А все дело в том, что незадолго до этого в лагере прошел кинофильм «Александр Невский»[6]. И мы все были под впечатлением того, как немцы в захваченном Пскове бросали в костер детей. Вот как тут не сказать о том, что устами младенца глаголет истина. Ну кто мог предполагать 22 июня, что немцы будут действительно вот так зверствовать на нашей территории. А потом… Ну вроде жизнь в лагере не изменилась. Что добавилось, так это то, что каждый день у нас начались учебные воздушные тревоги. В лагере была ручная сирена, и вот, значит, ее начинали крутить, она завывала, и по сигналу сирены все отряды должны были быстро бежать с территории лагеря в лес. А в лесу моментально были вырыты укрытия – такие щели, где мы должны были, каждый отряд, укрываться в своей щели. Мы все знали, что это учебная тревога. Поэтому вот для нас это было просто как развлечение. *(Смеется.)* Мы туда бежали, забирались в эти щели, сидели в них и ждали, когда будет сигнал горна, который будет означать отбой воздушной тревоги. И вот так однажды забрались мы туда по учебной тревоге и вдруг увидали, что над Черемнецким озером кружатся два самолета – один вокруг другого. Так вот вертятся, моторы завывают, и слышно треск пулеметных очередей. И мы поняли, что на этот раз тревога-то оказалась не учебной, а самой настоящей. И мы видим воздушный бой. И потом мы увидали, как один самолет задымил и пошел вниз. В озеро. И все закричали: «Ага! Сбили! Сбили!» *(Смеется.)* Потом мы увидали, как от этого самолета отделилась точка, раскрылся парашют. Ветром его понесло к нашему берегу. И мы тут все выскочили из щелей и помчались к месту приземления парашютиста, чтобы взять его в плен. Нам кричат взрослые вожатые и воспитатели: «Куда? Ведь он же вооружен!» А мы в ответ только: «Нас же много, а он один». Но когда мы прибежали к месту приземления, оказалось, что нас уже опередили взрослые все-таки. И вот тут-то оказалось, что это был наш летчик. И для нас это был первый вот такой моральный удар. Что оказывается, на этой войне сбивают не только немецкие самолеты, а что немцы сбивают наших летчиков. Вот мы вернулись все в лагерь в этот день какие-то пришибленные немножко вот этим открытием. Война приближалась потихонечку к лагерю. Ведь начало героической обороны Ленинграда – это 10 июля 41-го года. Это начало боев на Лужском рубеже[7]. А если посчитать от 22 июня, то окажется, что 10 июля – это всего-навсего девятнадцатый день войны. За восемнадцать дней

[4] Значки БГТО («Будь готов к труду и обороне»), ГТО («Готов к труду и обороне») и «Ворошиловский стрелок» выдавались в Осоавиахиме за сдачу членами Общества определенных нормативов, включавших элементы военно-строевой подготовки.

[5] Имеется в виду детский художественный фильм «Тимур и его команда» (реж. А. Разумный, киностудия им. М. Горького, «Союздетфильм», 1940).

[6] Имеется в виду знаменитый фильм «Александр Невский» (реж. С. Эйзенштейн, киностудия «Мосфильм», 1938).

[7] 10 июля 1941 года немецкие войска захватили часть Прибалтики и вторглись в пределы Ленинградской области, развернув наступление в направлении городов Луга и Новгород. Именно в это время четвертая танковая группа армии «Север» прорвалась к реке Плюса, где и была на время остановлена. Лужский оборонительный рубеж – первый из трех – проходил на всем протяжении реки Луга, далее через Шимск до озера Ильмень. Второй – по линии Петергоф – Красногвардейск – Колпино. Третий рубеж проходил в районе Автово, окружной дороги, Средней Рогатки и села Рыбацкое (см.: Очерки истории Ленинграда V: 38).

немцы от границ Советского Союза – от Западного Буга, от Немана – прошли вот до реки Луги. Если смотреть по карте, по прямой получается больше шестисот километров. За восемнадцать дней! А теперь им до города оставалось всего-навсего сто с небольшим километров. Три часа езды на пригородном поезде. И вот на эти сто километров немцам пришлось потратить два месяца. Это была первая остановка такая длительная, когда немцев остановили. Они же целый месяц не могли переправиться через реку Лугу. Бои на Лужском рубеже продолжались целый месяц. И могли бы и дольше, если бы вот в районе Кингисеппа немцы не обошли наших с фланга. И тогда, чтобы не попасть в окружение, пришлось всей этой группировке нашей отступать. А потом их ожидал следующий рубеж обороны – Гатчинский. Или, как тогда назывался, Красногвардейский рубеж обороны. И там они тоже около месяца[8]… Никак не могли продвинуться к городу. Ну это я говорю к тому, что так получилось, что наш лагерь оказался как раз на пути движения немцев. И вот вы знаете, хотя мы, конечно, не слыхали никаких сводок с войны. Нет. У нас, по-моему, и радио-то не было. Во всяком случае в нашей комнате точно никакого радио не было. Но слухи, конечно, были. Мы слышали, что говорят взрослые. Но вот была еще такая неприятная вещь – через нас все время летали самолеты. Понять, чьи это самолеты – они летели довольно высоко, – было тяжело. Но взрослые часто говорили, что это немецкие самолеты летят бомбить Ленинград. И как-то особенно неприятно было, когда они летели вечером. Как-то вот в вечернем воздухе вот это гудение моторов, оно особенно зловещим было. И у меня до сих пор, вот когда я слышу вечером гудение какого-то мотора, это что-то в памяти вот как-то всплывает… Вот эти неприятные ощущения. И еще одно ощущение тоже осталось вот от того времени. Вечером у нас была линейка, как положено в пионерском лагере. Уже темные вечера были. И почему-то они были очень теплыми такими, почти что душными вечерами. И, когда вот мы стояли на линейке, а линейка – она была обсажена цветами. И в это время на линейке цвели вот эти лиловые граммофончики. Как же они называются, эти цветы-то?

Интервьюер: Ирисы?

Информант: Нет. Нет. Нет.

Интервьюер: Люпины?

Информант: Нет. Нет. Нет. Нет. Вот выскочило из памяти. Такие красивые лиловые граммофончики. Они очень здорово пахнут. Это как раз цветы вечерние: они вечером начинают пахнуть. Вот вертится где-то на языке название, а никак не вспомнить. И вот, у меня как-то связался запах вот этих цветов тоже с какой-то с тревожной обстановкой. И когда я иногда вот слышу этот запах, вот тоже вот память моментально откуда-то оттуда из глубины сразу же настраивает на какую-то такую тревожную обстановку. Как же назывались вот… И название-то такое, в общем-то, не очень сложное. Чуть не сказал – глициния. Глициния – это на юге цветет. Ну ладно. Потом, может быть, вспомнятся. Вот это вот оттуда такие вот воспоминания еще остались. А потом, когда уже немцы оказались совсем близко к лагерю, лагерь было решено эвакуировать. И почему-то сразу весь лагерь не смогли эвакуировать. Разделили на две части. И одну часть – первую половину – решили сразу же вывозить в эвакуацию, не завозя в Ленинград. Посадили в Луге на поезд и повезли через Псковскую область на юг. Уехали они недалеко, потому что там был высажен десант. Мало того что немцы уже подходили оттуда, так они еще высадили… Высадили авиационный десант. Дорога оказалась перерезана, их пересадили на автобусы. Ехали, пока могли. А все… Потом оказалось, что большинство дорог уже перере-

[8] Бои на Лужском рубеже длились с 10 по 19 июля 1941 года. 19 июля наступление немцев было прекращено из-за перегруппировки немецких войск (соединения 18-й армии с четвертой танковой группой). Последовавшее за этим наступление 41-го немецкого моторизованного корпуса привело к захвату ряда населенных пунктов, находившихся в 20–35 км от Кингисеппа, но было остановлено до начала августа. 8 августа наступление немцев продолжилось сразу в нескольких направлениях. В результате 16 августа был захвачен Кингисепп, 15 августа взят Новгород, 20 августа – Чудово. 29 августа немцы вышли к Колпино. В результате активно развернувшегося наступления немецких войск в окружение попали войска Лужской группы советских войск под командованием А.Н. Астанина (подробнее об этом см.: Очерки истории Ленинграда V: 38–40).

зано. Они метались вот так вот в поисках хорошей дороги. Потом кончился бензин, и младший отряд решили оставить в ближайшей деревне, а старшие решили идти. Идти найти бензин и потом заехать за младшими. И не вернулись уже. Младшие потом оказались в деревне, занятой немцами. Младший отряд оказался. Это была вот у них такая трагедия. Там у них история была совершенно… Если написать правду о них, только скажут: «Вот, выдумал. Писатель». Таких… Приключенческий роман прямо. А я в эту не попал, потому что мама-то работала в лагере. Поэтому я и не попал в эту первую…

Интервьюер: То есть это ваш отряд был?

Информант: А?

Интервьюер: Это ваш Отряд был?

Информант: Да, мой отряд, да, вот. Если бы не… Если бы не мама, я бы тоже с этим отрядом был бы. И как-то так получилось, что вот эта вторая половина лагеря, отправка ее… Ну, очевидно, узнали, что вот на юг нельзя уже отправлять, поэтому отправка, эвакуация оставшейся части лагеря – она задержалась. И дождались до того, что немцы уже из минометов стали обстреливать территорию лагеря. И вот тут спешно, значит, быстренько из-под этого обстрела нас все-таки успели посадить на один из последних поездов в сторону Ленинграда. Причем мама еще осталась – там чего-то ей нужно было. Ну как бухгалтеру что-то оформлять там нужно было, что-то отправлять… Она осталась. Она уже так добиралась потом… О том, какая там неразбериха была, можно судить по тому факту, что жена начальника лагеря… А сам начальник, он сразу же, в первые же дни, ушел добровольцем на фронт. Вот. А у жены его было двое детей: сын – мой ровесник, вот как раз один из этой нашей тройки. И маленькая девочка. По-моему, полтора года ей было. И вот жена вот в этих обстоятельствах так растерялась, что она дала свою дочку маме и побежала искать сына. Сына где-то не могла найти. И в результате мама приехала в город с вот этой девочкой. И эта девочка несколько месяцев у нас так и жила. Потому что не могли найти вот жену начальника лагеря. И только когда вот уже нашли – она тоже добралась до Ленинграда, – вот тогда эту девочку вернули назад. И вот сохранились справки у мамы о том, что у нее на иждивении находится девочка полутора лет – дочка начальника пионерского лагеря. Ну это нужно было для карточек. Чтобы карточки тогда получать. Вот в такой обстановке я вернулся в Ленинград. Вернулся в город тихий, спокойный, в котором… А я уже услышал, как свистят вот эти самые мины. Как они взрываются. Это все очень неприятные звуки. Какой-то и скрип, и скрежет – это ужас просто. А тут тихо. Народу еще много в городе. Смотришь – военные отряды часто проходят. Вот это вот в основном создавало такую военную настроенность, что ли, города. И потом часто можно было видеть людей с чемоданами, с узлами, которые спешили к вокзалам – это те, кто еще эвакуировался из города. Ведь еще блокады не было, поэтому они уезжали из города. Кругом были развешаны плакаты. Очень интересные плакаты, часто с карикатурами. И были воздушные тревоги. Но воздушные тревоги были не учебные, а настоящие. Но еще немецкие самолеты не прорывались к городу. По сигналу воздушной тревоги мы, значит, бежали в бомбоубежище, сидели там до отбоя. И это вот каким-то, да таким образом напоминало то, что было в лагере. *(Смеется.)* Во всяком случае это было привычно уже. И я говорю, что вот у меня после этого возвращения было наоборот такое ощущение, как будто я попал в более спокойный город. А потом первого сентября начались занятия в школе в нашей. Но начались они очень странно. Я пошел во второй класс. Школа была занята под госпиталь. И мы начали заниматься в подвале школы, уже оборудованном для занятий. Причем, как нам сказали, что занятия начались только для младших классов. Ну там было электричество, столы стояли, доски. Все как… Мы начали заниматься, и занимались мы до того, пока не отключили электричество. Тогда стали включать керосиновые лампы «летучая мышь». И так мы занимались, пока нам однажды учительница не сказала: «Ребята, занятия прерываются». Ну, во-первых, уже и холодно стало. И потом обстановка какая-то такая уже тоже была тревожная. Но вот надо сказать, что не все школы первого

сентября начали заниматься. Очевидно, у нас какое-то такое было даже некоторое исключение, что вот младшие… Младших решили начать учить. Потому что ведь в это время шел штурм города… Немецкий страшный штурм[9], который, я не знаю, какой бы еще город выдержал. И занятия в школах было решено не начинать. И только когда вот обстановка стабилизировалась – тогда в школах начали занятия. А потом вот уже эта неприятная когда стала обстановка, уже по другим условиям, потому что не было электричества, не было тепла, и уже голод ощущался. Вот тогда наша школа, как и почти все школы, прекратила занятия. Нам так и сказали: «Мы вас позовем, когда будут лучше условия. Мы вас позовем обратно в школу». Вот. Получилось, что нас стали собирать в школу – то уже весной 42-го года только.

Интервьюер: А когда школа прекратила занятия?

Информант: Вот я не могу сказать. Вот… Вот этого у меня в памяти не осталось. И я как-то даже эту дату не выяснял. Ну в это время уже начались бомбежки. Первая бомбежка была шестого сентября. Причем раньше бомбежек начались обстрелы. Четвертого сентября был первый обстрел. Это было совершенно непонятное, потому что мы знали, что перед бомбежкой всегда подается сигнал воздушной тревоги, мы опускаемся в бомбоубежище и все такое прочее. Зенитки там начинают стрелять. Самолеты могут и не прорваться, но у тебя есть время после сигнала спрятаться в бомбоубежище. Все. А тут, когда в городе вдруг стали неожиданно рваться снаряды, – это было совершенно непонятное – что это такое. И, вообще, вот если говорить о том, забегая вперед, что же страшнее – бомбежка или обстрел? Я считаю, что обстрел был страшнее, чем бомбежка. Вот именно по этой причине, что он начинался неожиданно. Что о нем не было предупреждения, вот как о налете немецких самолетов. И, значит, первым предупреждением о начале обстрела был первый взрывающийся снаряд. А ведь вот эти дальнобойные снаряды для того, чтобы далеко лететь – несколько десятков километров, – он должен развить сверхзвуковую скорость, иначе он далеко не улетит. Значит, он летел, обгоняя свой собственный свист. И если ты слышал над головою свист пролетающего снаряда – это значило, что снаряд уже пролетел, что его уже бояться не надо, что он взорвется где-то в другом месте, а не у тебя. А там вот где снаряд должен был взорваться – там сначала слышался взрыв. А что такое взрыв снаряда? Если это был фугасный взрыв… Фугасный снаряд – то это было разрушение. Если это был осколочный снаряд – то это значит, вокруг разлетались очень много осколков, и были много раненых и убитых. А ведь снаряды были очень большие. Сначала калибр снарядов был 210–250 миллиметров, а потом немцы стали подвозить к городу все более и более тяжелые орудия. И в конце концов вот привезли сюда эти «Большие Берты», калибр которых превышал 400 миллиметров. Если мне память не изменяет, по-моему, 440 миллиметров калибр[10]. Значит, 44 сантиметра. Это вот такой толстенный снаряд. Он еще и по высоте был большой. И когда такой снаряд летел – это все равно, что летела большая фугасная бомба. Они, конечно, вот такого рода снаряды – это были фугасными. Они были рассчитаны на большие разрушения. Если такой снаряд попадал в дом, он мог разрушить весь дом, как если бы фугасная бомба. Ну снаряды поменьше, они вызывали разрушения где-то в пределах

[9] По-видимому, имеются в виду боевые действия в августе-сентябре 1941 года. В большинстве отечественных публикаций сказано, что немецкое командование планировало штурм Ленинграда в сентябре 1941 года (см., например: Очерки истории Ленинграда V: 157–158). Однако это мнение оспаривается многими другими историками и публицистами, убежденными в том, что в планы фашистского командования штурм города не входил. Войска имели задачу его блокировать, что и было достигнуто (см., например: Солсбери 2000: 341).

[10] «Берта» («Большая Берта», «Толстая Берта») – мортира калибром 420 мм, созданная в единственном экземпляре в Германии в 1915 году и уничтоженная по условиям Версальского договора. Во время Второй мировой войны «Бертой» ошибочно назвали немецкую мортиру «Гамма» со схожим с «Бертой» калибром или мортиру «Карл» (модель 1940 года, калибр 600 мм; всего было выпущено 6 штук, одна из них имела калибр 540 мм). Под Ленинградом во второй половине 1942 года в боевых действиях участвовали одна мортира «Гамма» и три – «Карла». Весной 1943 года в связи с большой уязвимостью мортир и гигантских (800 мм) немецких пушек типа «Дора» и «Густав», а также из-за сложностей с обеспечением их эксклюзивными боеприпасами они были вывезены в Германию, где часть их была демонтирована, а часть была захвачена союзниками в 1945 году.

квартиры, комнаты. Если они падали на улицу они… От них образовывалась большая воронка. Но самое страшное, я говорю, было то, что это всегда было неожиданно. И только после того как взорвется вот первый снаряд, тогда по радио передавали объявление: «Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение транспорта и населения по району прекращается». Даже вот врезалась эта формулировка в память. Причем поскольку обстреливался какой-нибудь район, то и вот это объявление давали для этого района. Ну немцы, они поступали как? У них была разная система обстрелов. Во-первых, они, конечно, хотели как можно больше разрушить и убить ленинградцев. Во-вторых, им нужно было подействовать морально – то, что вот они могут обстреливать город в любое время. Они действительно обстреливали днем и ночью. И они могли обстреливать вот так систематически какой-то район. В течение длительного времени пускать снаряды по этому району только. А могли так вот – бросить несколько снарядов сюда, а потом перенести обстрел совсем в другое место. Потом опять перенести обстрел. Но были дни, когда они обстреливали город из нескольких батарей. Вот есть сведения – я читал в документах, – что до двух десятков батарей могло одновременно обстреливать город. Конечно, они обстреливали разные районы, и это были очень тяжелые дни, когда вот такое случалось. И вот, по статистике МПВО, значит, очень сильные обстрелы были в начальный период, когда обстрелы совмещались с бомбардировками. Вот и самолеты бросают бомбы, и в это же время обстреливают немцы из орудий город. Поди разберись, что это взрывается. Это, конечно, было в расчете на то, чтобы подавить… Подавить вот все… Весь, так сказать, моральный настрой ленинградцев. Заставить их потерять самообладание. Потом обстрелы стали послабее. А потом вот такая закономерность. У нас как-то не очень подчеркивают то, что город, в общем-то, был не очень сильно разрушен. Поэтому, когда вот вы где-нибудь встретите такое высказывание, что город был очень сильно разрушен… Я вот, например, где-то то ли услышал, то ли прочел – уже не помню – чье-то высказывание, причем высказывание какого-то даже писателя известного, о том, что весь Невский был разрушен. Это неправда. Это у кого-то либо память подвела, либо кто-то сделал просто такое умозрительное заключение. Может быть, его в это время уже и не было в городе, а он вот решает делать такие выводы. Ну, в общем-то, выводы, наверное, правильные были бы… Ну, представьте себе, девятьсот дней город в кольце. Немецкие аэродромы находятся у самого города. В Сиверской, в Луге[11]. Здесь, со стороны Финляндии, тоже совсем недалеко. В Псковской области аэродромы. Огромнейшее количество самолетов, бомбардировщиков. Бомб, вообще, огромнейшее количество было завезено сюда. Так что, когда стали наши наступать, то вот на аэродромах были обнаружены большое количество неиспользованных бомб. Не успели немцы использовать. И вот в этих условиях можно было ожидать, что Ленинград будет превращен в такое же состояние, как вот, скажем, Сталинград. Ну очень часто показывают вот эту кинохронику, когда летит самолет над Сталинградом… Еще не после того, как Сталинград был освобожден, а в самом начале Сталинградской битвы и город весь уже… Стоят только коробки… Домов нету. Или, скажем вот, можно аналогию провести с Англией, как немцы бомбили английские города – Лондон и особенно Ковентри. Ведь Ковентри вошел в историю Второй мировой войны как город… Крупный город, почти стертый с лица земли немецкими бомбардировками. Так вот, можно было ожидать, что немцы то же самое сотворят с Ленинградом. Тем более что, после того как штурмом взять город не удалось, Гитлер, значит, приказал задушить блокадою и путем непрерывных бомбардировок и обстрелов стереть его с лица земли. Но этого не случилось. Почему? Вот вопрос. Некоторые говорят, что наша авиация и наша противовоздушная оборона была очень сильная. Дело в том, что наша истребительная авиация была хоть и отважной, но она в этот период значительно уступала по количеству истребителей. Зенитчики наши были, конечно, молодцы. Ничего не

[11] Немецкая авиация размещалась на бывших советских аэродромах, в том числе в Гатчине и Сиверской, а также на шести финляндских аэродромах, переданных в распоряжение немецкому командованию в 1941 году.

скажешь. Они тоже старались вовсю. Но немцы-то, они ведь применяли тактику такую – не одиночными самолетами налетать, а, наоборот, устраивали массированные налеты на город. Как они говорили, Звездные налеты». Такое посылали количество бомбардировщиков и прикрывающих истребителей, чтобы, во-первых, и наши истребители не могли нанести большого урона и чтобы даже и зенитчики не могли с ними справиться. Чтобы ковровой бомбардировкой снести весь город. А это не получилось. И вот забывают одну деталь. Редко о ней говорят. Дело в том, что у нас перед войною была именно в нашем городе изобретена радиолокация и были построены первые наши радиолокаторы[12]. Случилось так, что одновременно с нами радиолокация была изобретена и в Англии. Вот оттуда пришло слово «радар». Англичане называли свои радиолокаторы «радарами». У американцев не было радиолокаторов, и они заслали своих разведчиков в английскую вот эту службу радиолокации и по-союзнически украли у них вот этот самый секрет радио… Английской радиолокации. Так вот получилось так, что вот наш первый радиолокатор мы тоже… Ну это было сверхсекретное все. Мало того, что слово «радиолокатор» только было написано на самом приборе. Только вот на нем было написано, что это радиолокатор. В обиходе этого слова не было. Они не назывались не «радиолокаторами». Они назывались: «Радиоуловители самолетов» – «РУС»[13]. Так сказать, в противоположность звукоуловителям. Потому что до этого методика обнаружения вражеских самолетов – это звукоуловители. Это вот четыре вот таких огромных раструба, которые установлены на платформе. Сидит один боец, у которого от всех от них в ушах провода. И вот… А другие бойцы, значит, поворачивают эту платформу по его указанию. И он все время поворачивает и слушает небо. И действительно, он очень далеко мог уловить звук летящих самолетов. И опытные вот эти самые «слухачи», как их называли, могли определить даже количество самолетов. А некоторые даже по звуку моторов могли определить тип. Ну количество не то, что с точностью до одного, но могли сказать – один летит, маленькая группа или очень большая группа. Так вот поэтому и тут назвали: «Радиоуловитель самолетов». «РУС». Ну, чтобы еще больше закрыться от немецких шпионов, эти вот «РУСы» – еще каждый из них – получили дополнительные названия: «Редут»[14]. Условное название: «Редут». И были номера: «Редут 1», «2», «3», «4», «5» и так далее. Я уже не помню, сколько их было. Кажется девять[15]. И вот эти «Редуты» – они были установлены по периметру города, в частности, вот стоял… Один «Редут» стоял в парке Лесотехнической академии. Второй был установлен на крыше Политехнического института. Один находился в поселке Юкки на холме[16]. Потому что там холмы очень удобные. Были и на южной стороне города. И вот эти самые «Редуты» – у них проектная мощность обнаружения немецких самолетов была 100–120 километров. Но оказалось, что практически они брали гораздо дальше. Они брали до 150 километров. И был даже один рекордный случай засечения взлета немецких самолетов за 270 километров в Псковской области[17]. Вот было такое обнаружение. И вот, как только немцы поднимали самолеты с аэродрома, эти «Редуты» их сразу же засекали. И

[12] С 1934 года в Ленинградском электрофизическом институте (ЛЭФИ) по заказу Главного артиллерийского управления РККА велись работы по созданию станции радиообнаружения самолетов. Летом 1934 года в Ленинграде была создана первая радиолокационная установка «Рапид».

[13] РУС – «радиоулавливатель самолетов» – официальная аббревиатура, принятая с 1939 года в РККА для обозначения радиолокационных станций.

[14] Редут – радиолокационная установка, разработанная в 1939 году в ЛЭФИ и принятая на вооружение РККА в 1940 году под индексом РУС-2.

[15] До конца 1941 года были изготовлено десять установок «Редут» (РУС-2), в том числе восемь на заводе № 209 им. Коминтерна в Ленинграде.

[16] Система РУС-2 монтировалась на шасси автомобиля ГАЗ АА. Возможно, на определенное время системы могли быть установлены в указанных информантом местах. Единственная стационарная станция находилась с 1940 года в районе п. Токсово.

[17] Установка РУС-2 имела генератор с длиной волны 4 м и мощностью 50 кВт. Позволяла непрерывно определять дальность, азимут и скорость полета цели. Дальность обнаружения – до 95 км при высоте цели 7500 м и 30 км на 500 м, точность определения дальности – 2–3 км.

соответственно сообщали в штаб ПВО о том, что к городу идут немецкие самолеты. Они сообщали направление, с которого они шли. Сообщали высоту, на которой они шли. И по сигналу эха они могли сказать, большая группа или маленькая. Одной группой они идут или несколькими группами. И поэтому наши руководители ПВО могли маневрировать вот своими средствами противовоздушными и направлять истребителей вот именно навстречу. И истребители наши встречали немецкие самолеты далеко от города. Была возможность завязать бой далеко, не подпускать их близко к бою… К городу. И зенитчики тоже – они уже были готовы – они уже ждали здесь, именно с этой стороны. И немцы долгое время никак не могли понять: «Почему? Почему их уже ждут?» И вот благодаря этому-то долго-долго немцам не удавалось прорваться к городу. И вот тогда они стали менять свою эту тактику. Они посылали группами с разных сторон. Их все равно встречали и там, и тут. Они посылали самолеты куда-то в сторону вообще, чтобы сбить, что, дескать, вот они летят не сюда. И самолеты делали какой-то крюк и подлетали к городу с востока, хотя они были посланы откуда-то с юга. Могли даже залетать со стороны Ладожского озера. Но их все равно знали, что они идут. И когда немцы поняли, что у нас что-то есть вот такое – ну не дураки, они тоже догадались, что что-то… почему их обнаруживают – они сменили еще раз тактику. Они стали посылать вот уже массированные… Большое количество самолетов в расчете на то, что все равно какая-то часть будет сбита, но кто-то прорвется к городу и отбомбит все-таки. И вот тогда, действительно, первая такая вот массированная бомбардировка была 8 сентября. Но тогда в основном немец сбросил зажигательные бомбы. Было много пожаров, и вот эта трагедия с Бадаевскими складами, когда сгорели Бадаевские склады и продукты[18]?. Ну вот еще тоже такая, психологическая, что ли, деталь… Некоторые говорят, что они очень хорошо запомнили день начала блокады. 8 сентября. Но ведь они не знали, что в этот день началась блокада. Об этом узнали потом. *(Смеется.)* Не знали о том, что в этот день взяли Шлиссельбург немцы, вышли, вот, к Ладожскому озеру, и замкнулось кольцо. Ведь можно было бы, скажем, считать началом блокады, когда немцы перерезали последнюю дорогу, связывающую, скажем, Ленинград со страной. Когда они взяли МГУ. 29 августа. И это тоже было бы правильно. Ну вот принято так, что вот день, когда немцы полностью отрезали город – это вот значит… Так вот, ну и говорят, что вот они очень хорошо помнят этот день – день начала блокады. Ну я согласен, что, может быть, им врезался в память вот этот пожар Бадаевских складов. Потому что, действительно, такой был пожар, который было видно, наверное, с любой точки города. Во всяком случае дым-то поднимался точно. Этот дым можно было видеть всюду. А вот сказать, что запомнилось именно этот день как начало блокады – это, конечно, уже более позднее наслоение на память. И вот…

Интервьюер: Все нормально?[19]

Информант: Нет, нормально. Какая-то штука, наверное, упала.

Интервьюер: Это не Страшно.

Информант: Я даже не знаю, откуда она упала. Ну вот в мою память врезался день 19 сентября. День 19 сентября 41-го года. Почему он врезался? Потому что этот день был очень интенсивной бомбежки именно нашего района. Района вот Большой Московской, улицы Правды, Владимирского проспекта. В этот день там были сброшены фугасные бомбы. А мне еще это запомнилось потому, что, когда началась вот эта воздушная тревога, я был один в квартире. Наша квартира была на пятом этаже. Дом у нас огромный, шестиэтажный, с высокими потолками. И вот получилось так, что бабушка моя была в это время в магазине на углу

[18] Бадаевские склады – продовольственные склады им. А. Е. Бадаева были сожжены в результате налета немецкой авиации в первые дни блокады Ленинграда, 8 сентября. В результате пожара сгорели 3 тысячи тонн муки и 2,5 тысячи тонн сахара-рафинада, то есть суточный запас продуктов, расходуемых Ленинграде. Тем не менее пожар на Бадаевских складах долгое время служил (а для некоторых людей является и до сих пор) объяснением ухудшения продовольственного положения в городе осенью 1941 года (об этом подробнее см.: Очерки истории Ленинграда V: 180–181).

[19] Реакция на шум за окном.

Большой Московской и Владимирской площади – там был гастроном. И до войны тоже там был гастроном. Теперь там его нет. Она была там. А в квартире вот были я и сосед. Ну сосед… Было за шестьдесят лет ему явно. И вот, услыхав сигнал воздушной тревоги, мы вышли в коридор. А у нас длинный коридор, семь комнат. По этому коридору я на велосипеде трехколесном катался в свое время. И вот мы вышли в коридор и говорим: «Надо идти в бомбоубежище». А сосед говорит: «Да нет. Смотри, какие у нашего коридора толстые кирпичные стены. Давай мы с тобой здесь останемся. Здесь эти стены не разрушит никакая бомба». И вот мы остались в коридоре. Стоим. И вдруг мы услышали не очень такой сильный взрыв, но дом наш вдруг почему-то закачался. Ну на пятом этаже это особенно хорошо чувствуется. И сосед говорит: «Знаешь что, давай лучше пойдем все-таки в бомбоубежище. *(Смеется.)* Что-то здорово качается». И вот мы с запозданием опустились в бомбоубежище. А бомбы сыпались с одного самолета. Вот самолет – один немецкий бомбардировщик – летел вот прямо над Владимирским проспектом, Большой Московской, Правдой и сыпал фугасные бомбы. Этот самолет потом сбили. И оказалось, что на нем была женщина-пилот. Сначала ходили слухи только об этом, что вот это женщина-пилот. Потом я нашел подтверждение, что действительно это было так. И вот эта вот женщина-пилот сыпала на нас бомбы. Когда началась воздушная тревога, бабушка была в магазине, стояла в очереди. И, услыхав сигнал воздушной тревоги, заведующий магазином стал их всех выгонять. Ну как положено – все должны уйти в бомбоубежище. А очередь не хочет уходить. Все боятся, что, когда они уйдут, очередь перепутается. Потом будет очень тяжело ее восстановить. Он их уговаривает – они не уходят. Потом время идет, он их уговаривает: «Ну выйдите хотя бы во двор. И вот во дворе очереди… Очередью так и стойте». И, пока он их уговаривал, во двор туда упала бомба. Вот как везет, иногда бывает. Вот. Следующая бомба попала в дом 4 по Большой Московской. А потом две бомбы попали в дом 9 и дом 13. Это вот как раз напротив нашего четырнадцатого дома. Вот тогда-то наш дом закачался. Потом дальше летел самолет. Следующая бомба упала уже за Разъезжей улицей, посредине улицы Правда. На мостовой оставила большую воронку. Потом бомба попала в дом 12 по улице Правды. Разрушила его. Причем, как говорили, что, похоже, что даже в него попала не одна бомба, а две. Потому что дом был вытянутый. И вряд ли бы он весь рухнул от одной бомбы. Ну это я уже не знаю. Еще одна бомба упала во двор школы № 321. В этой школе я потом учился. Мы играли во дворе и не знали, что эта бомба, не взорвавшись, лежит в земле. Под ногами у нас. Ее нашли только в 52-м году. Эту бомбу. Когда школу закрыли на ремонт. Там меняли всякие эти трубы во дворе. И вот тогда ее нашли. И последняя бомба упала в дом № 22 по улице Правды и тоже разрушила… Там дом был большой, она разрушила один из его флигелей. Вот эта вот бомбежка – она в мою память врезалась очень здорово. Потом вот из дома 9 стали… Ну мы, конечно, бегали, смотрели туда. Самое интересное, что фасады домов уцелели. Кое-где даже стекла в окнах остались. А внутри все рухнуло. И если… По улице идешь – и не понять, что дом разрушенный. Тем более что потом взяли вот эти самые, где были вылетевшие стекла, это забили фанерой, раскрасили под стекло, и вообще незаметно, что этот дом не существует. Что этот дом мертвый. А вот во двор войдешь, и там такая косая осыпь, это вот как все рухнуло. Так вот через некоторое время из обломков этого дома в начале Свечного переулка… А наш дом как раз угловой – угол Большой Московской и Свечного переулка, – и вот в начале Свечного переулка начали строить баррикаду. Ну, конечно, мы мальчишки разве могли быть в стороне от этого? Мы помогали строить эту баррикаду, таскали эти куски, которые мы могли принести. Когда баррикаду построили, я принес на балкон к себе… А балкон был как раз вот над самой баррикадою на пятом этаже. Такой у нас длинный балкон. И вот я принес туда штук 5 камней и сложил на балконе, что если немцы будут штурмовать эту баррикаду, я буду оттуда сверху кидать на них камни. *(Смеется.)* Вот сейчас это вызывает только улыбку, а тогда ведь это было на полном серьезе. Ну камни остались неизрасходованными, к счастью. Так и пролежали там всю блокаду на балконе. И вот… Вот этот период – сентябрь-октябрь месяц – немцы

все наращивали количество воздушных тревог, налетов. Бывало по десяти воздушных тревог за день. Это было очень утомительно. Не только морально, даже физически утомительно. Вот я, моя бабушка, хотя она была бойцом группы самозащиты, но все равно по сигналу воздушной тревоги мы должны были идти вниз. Она меня приводила туда. На ходу, значит, пр… Ой… Шла уже с противогазом… А потом, оставив меня там, она поднималась и где-то там дежурила. Так вот десять раз в течение дня – это, скажем, с нашего пятого этажа, а был еще и шестой этаж – опуститься туда-сюда, туда-сюда – это, конечно, было очень утомительно. Даже не говоря о том, как бьет зенитки и все такое прочее. Вот в этот период я испытал свой первый самый большой страх во время блокады. Это был где-то октябрь месяц уже… Но еще свет был. Электричество еще не отключали в городе. И вот была… Был один из таких дней, когда было много воздушных тревог, и мы возвращались после воздушной тревоги. Она была где-то в 9 или в 10 часов вечера. Возвращались. Я шел первым. По нашему коридору прошел к нашей комнате… А она… Вот интересная подробность. Вот мы уходили в бомбоубежище, я очень хорошо помню, что мы комнату на замок не закрывали. Мы не боялись, что за время воздушной тревоги какие-то воры заберутся. Вот не было этого.

Интервьюер: А входную дверь?

Информант: Входную дверь запирали. Но потом, позже, где-то, наверное, с ноября месяца, и ее перестали закрывать. Она не запиралась уже. Так вот я, значит, подхожу к своей двери. Открываю ее. Вхожу в темную комнату. Окна завешаны светонепроницаемыми шторами. А у нас комната была очень интересная. Она была площадью 28 метров, большая комната. И стена, которая выходила на Свечной переулок, она была практически вся стеклянная. Было одно широкое двухстворчатое окно, была дверь на балкон, широкая и высокая, и по бокам этой двери еще были два узких окна. Так что стекла было очень много. И потом, когда это стекло все вылетело от взрывных волн, нам, конечно, было очень тяжело забивать это все картоном да фанерой. Мы, конечно, тогда недобрым словом поминали архитек… Вернее, не архитектора, а автора этого дома, кто его спроектировал. Так вот я вхожу, руку протягиваю в сторону выключателя, чтобы включить свет и не успел… Потому что вдруг я вижу, что комната озаряется каким-то оранжевым светом, таким неровным, дрожащим. И вот эти черные светонепроницаемые бумажные шторы из черной бумаги – они просветились вот этим каким-то оранжевым светом. Таким дрожащим. Причем я это долго говорю, а это все было моментально. Вдруг яркая вот такая вспышка – и вся комната освещается вот этим светом. Это было очень страшно. Я тогда так испугался, что даже некоторое время потом заикался. А что оказалось? У немецких бомбардировщиков были глушители на моторах. Вообще, глушитель – это штука, с одной стороны, хорошая, уменьшает звук гудения. Но она в то же время уменьшала и мощность мотора, поэтому при движении, вот когда они идут к городу, они глушители не включали, потому что самолет пойдет с меньшей скоростью: это невыгодно. А вот они могли на какой-то период, находясь над городом, вот включить эти глушители. Пусть самолет там будет медленнее кружить, но его будет почти не слышно. И вот в этот раз один бомбардировщик включил эти глушители и остался. Была пасмурная погода, и он остался за тучами. Остальные улетели. А он остался. И вот он, какое-то время выждав специально, когда люди вернутся из бомбоубежищ, он сыпанул бомбами. Причем сыпанул зажигательными бомбами. Зажигательные бомбы, они разные были. Разного калибра. Больше. Меньше. Потом они даже бросали бомбы зажигательные весом до 50 килограмм – термитные – это были очень страшные бомбы. Но были и маленькие бомбы. И вот для удобства их упаковки в самолете они часто бывали в ящиках. Ящик, и в нем рядами вот эти бомбы стоят. Ящик подвешивается под крыльями. У него там обтекатели. И в нужное время, значит, он, пилот, сбрасывает этот ящик, и ящик летит вниз. И на заданной высоте он весь раскрывается, и бомбы разлетаются. Это было сделано еще для того, чтобы… Иногда нужно было очень большую густоту попадания бомб, чтоб они не разлетались широко. А наоборот, вот где-то на небольшом участке поражение было. Причем у

этого ящика часто… Их мы называли «Сундуками»… Потому что они потом падали… Эти… Помимо всего прочего, еще и это падает. У него еще были наделаны всякие сирены и свистки. Дополнительно. Поэтому он летел, он и при этом издавал всевозможные душераздирающие звуки. Казалось, что падает там вообще неизвестно что. Огромнейшая бомба – вот она поэтому так воет. А вместо этого потом сыпятся на тебя зажигательные бомбы. Так вот, видно, на нас был сброшен такой же ящик. И половина бомб упала на наш дом. Какая-то часть упала в Свечной переулок. А оставшаяся часть упала на дом напротив нас через Свечной переулок. А тот дом был ниже, и наши окна выходили как раз на его крышу. И вот бомбы, упав на крышу, они все одновременно взорвались. Была яркая вспышка. И вот эта вспышка была настолько яркой, что она просветила даже вот эту черную светонепроницаемую бумагу. Вот такой был случай моего первого самого большого страха блокадного. Все бомбы были потушены, и на том доме, и на нашем доме были потушены. Какие-то потушены, какие-то сброшены вниз на мостовую, пусть там догорают – это не важно. В общем, дом сберегли. И мы даже видели потом вот огарок такой бомбы. Смотришь, думаешь: «Ну неужели вот такая маленькая вещь могла сжечь весь наш дом?» Потом там… Бомбоубежище было в самом подвале – там, где раньше дрова были. Дрова выбросили. Но, не… Надо сказать, что не со всех подвалов. В некоторых подвалах дрова так и остались. Вот, в частности, в нашем подвале дрова остались. А там был и красный уголок еще. Ведь раньше в каждом домоуправлении был красный уголок. И с квартплаты какой-то процент оставался в домоуправлении на культурную работу в этом красном уголке. И вот сейчас этот красный уголок и часть подвалов были превращены в бомбоубежище. А окна подвальные были закрыты большими такими щитами: деревянные и окованными железом. Так вот одна из бомб попала вот в этот щит. Пробила его и горела в этом щите, пока ее кто-то оттуда за хвост не выдернул, чтобы щит не сгорел. Берегли щит. Вот так проходил вот этот самый сентябрь, октябрь месяц. Значит, бабушка у меня была в МПВО, в группе самозащиты. Дедушка работал на заводе «Красный рабочий». Завод эвакуировали, но дедушка отказался эвакуироваться. Сказал: «Никуда я отсюда не поеду». И остался. Его перевели в охрану территории завода. Он там был… Мама работала. Она бухгалтером была всю жизнь и работала бухгалтером. Папа был на фронте. Причем, интересно, папа у меня был, как называли тогда, «белобилетником», значит, непригодным к военной службе. Он был глухим на одно ухо с детства. Но его все равно забрали. Не сразу, но забрали. Отправили из города (по Дороге жизни он был вывезен) и в первом же бою во время атаки он взмахнул левой рукою, и в этот момент ему осколок впился как раз вот под руку и попал в сердце. Но он остался жив. Правда, он упал. После боя к нему подошли. Увидали, что вот лежит, видно, где рана. Кровь не очень течет. А знали, что, если в сердце попадет, какая-то такая примета была, что при попадании в сердце крови мало. Ну видят, что… Ну и решили, что он убит. Взяли его документы и послали нам похоронку. А потом пришла похоронная команда. Его пошевелили, а он застонал. Вот так похоронная команда его спасла. Его отправили в госпиталь. И потом уже, когда он в госпитале, как говорится, очухался, он тогда написал письмо. Но мы не поверили в это письмо. Было часто, что письмо… Письма приходили после похоронок. Так… Такое часто бывало, что разными путями почта идет. И… И только когда второе письмо получили, тогда уже поверили. И вот он долго пролежал в госпитале. Но самое интересное, что его и после этого оставили в армии. *(Смеется.)* Даже с осколком. Осколок у него остался в сердечной сумке. Врачи побоялись его удалять – ну как это из сердца удалять? Сказали ему: «Потерпите?» Он говорит: «Потерплю». И вот его оставили в армии. И он в армии был до 48-го года. Его даже и демобилизовали не сразу. Так что он вернулся еще после войны. И он довольно долго прожил после этого – до семидесяти с лишним лет вот так с осколком в сердце. Вот бывает вот такая судьба. Он был на учете на специальном. Все его всем показывали. Чуть что говорили: «Вот человек с осколком в сердце, а живет». Так вот жили мы вчетвером. Ну начался голод. И вот тут я должен сказать, что я, как и очень многие, считаю, что спасла меня мама. Очень многих спасли

матери. И я так считаю, что вообще Ленинград… жизнь в Ленинграде была спасена именно женщинами. Потому что да, Дорога жизни, тем более что она сначала плохо действовала еще. Голод был. Очень сильный голод. Много погибло людей от голода. Бойцы, которые защищали город, могли удержать немцев, не пустить немцев в город, но могло ведь случиться такое, что они бы защищали мертвый город. Что там бы все умерли. И это могло бы быть, если бы не женщины. Вот самоотверженность женщин, их вот это умение наладить жизнь в таких условиях… Наверное, мужчины бы не смогли это сделать. А женщины смогли. Они смогли приспособить не только себя, но и свои семьи вот к этой жизни. Переходить на какие-то вот всевозможные немыслимые продукты питания, чтобы как-то спасти свою семью, своих детей. И им, конечно, нужно ставить самый большой памятник. Вот то, что сейчас поставили памятник женщинам МПВОшницам и фронтовичкам[20], это, конечно, не то. Это недостаточно. Так вот моя мама… Где-то в ноябре месяце она стала донором. У нас порядок был в распределении продуктов такой: всем поровну. Вот все, что в дом попадало, ровно на четыре равных части все делилось. И мне, девятилетке, и дедушке, которому шел пятьдесят четвертый год. Бабушка была ровесницей: ей тоже шел пятьдесят четвертый год. Все равно. Все, что вот могли доставать. То, что покупали на рынках там, продавали какие-то вещи, все это делилось ровно на четверых. Строго на четверых. И тут даже никакого разговора не могло быть. Искали, находили у себя какие-нибудь странные запасы, которые даже не могли представить, что это может послужить едой. Ну находили вот какие-то лекарственные масла. Там, скажем, были вот масла для загара, еще какое-то. Выясняли, из чего это масло. Каждый раз оказывалось, что это масло какое-то из пищевых продуктов. Не минеральное масло. И, значит, его пускали в еду. Однажды заглянув за часы, а у нас большие стенные часы, они до сих пор у меня еще, хоть не ходят, стоят в прямом смысле – ив прямом, и в переносном смысле. Но я не могу с ними расстаться. Заглянули за них в угол и обнаружили банку олифы. Железную банку олифы, наверное, на литр. А собирались перед началом войны… Собирались ремонтировать комнату. И вот олифу купили… Обои не успели купить. Почему-то купили олифу первую, чтобы разводить краску. И забыли про нее. И вот, обнаружив, страшно обрадовались, потому что дедушка ск… Дедушка сказал: «Это ж олифа какая – настоящая олифа, не какая-нибудь там синтетическая. Это настоящее растительное масло». Он стал объяснять, что вот как там варится и все такое прочее. И, конечно, все обрадовались раз так. Пища. А как ее использовать? И решили на ней просто-напросто жарить хлеб. Первый раз поджарили, осторожно попробовали – ну еще отравишься? Но такая вкуснятина оказалась, я когда ел, мне казалось почему-то, что вот этот поджаренный хлеб, он даже немножко отдает жареной рыбой. Но это было чисто субъективное. И вот так вот находили. Нашли эти гомеопатические лекарства – шарики вот эти самые сладкие. Ну кто-то болел, они оставались. Тут, конечно, все их тоже съели все эти шарики. Но все равно, все равно голодали. Особенно дедушка. Дедушка был высокий под два метра ростом, хотя он был сухощавый, но все равно такая фигура. Нужно было много пищи. И вот мама стала донором. Она рассказывала потом, что она, когда первый раз сдавала кровь, она полулежала в каком-то кресле, покрытая белой простыней, и смотрела, как в склянку из трубочки капля за каплей, капает ее кровь. Голова немножко кружилась, по телу разливалась слабость. Но мама улыбалась, потому что она думала о том, что вот эта кровь ее спасет жизнь какому-нибудь защитнику Ленинграда. Но еще больше ее радовало то, что она сегодня принесет домой паек, который полагался донорам за сдачу крови. Она принесла этот паек домой и сказала, что им на работе выдали вот такой подарок. Что это откуда-то на самолетах привезли, распределили им подарки. И, когда она раскрыла, меня больше всего поразило, что там была белая булка. Мы в это время получали уже 125 граммов хлеба! И какого хлеба! Получилось так, что мы все четверо были на 125 граммах.

[20] Речь идет о памятнике женщинам – бойцам МПВО, установленном на улице Кронверкской, д. 14, в 2002 году (скульптор Л. Н. Сморгон, архитектор И. Д. Матвеев). Подробнее об этом памятнике см. в статье О. Русиновой в наст. книге.

Потому что я был ребенок до 12 лет – у меня карточка была детская 125 граммов. А они все трое получали… Мама получала служащую карточку, дедушка получал служащую карточку, бабушка получала иждивенческую карточку. В общем, все по 125[21].То есть 500 граммов в день на четверых. И какого хлеба? Еще рассказать, какой это был хлеб. И мы все этот хлеб… Вот хлеб делился точно на четверых… И мы резали этот хлеб на тоненькие кусочки и сушили его на буржуйке. Вы, наверное, уже знаете, что такое буржуйка? Вам, наверное, уже рассказывали, что это чудо времен Гражданской войны изобретенное, а сейчас о нем вспомнили. Маленькие печурочки железные, которые стояли где-то поблизости от печки. В тех домах, где были печки. Но труба от нее редко когда выводилась в печку. Наоборот, ее проводили через всю комнату и выводили в окошко. И вот эта труба висела под потолком. Потому что, когда печка топилась через трубу, шел горячий дым. Дым нагревал трубу, и, значит, труба на всем пути движения дыма, она тоже отдавала тепло. То есть максимальное использование вот этого дыма. Вот хлеб таким образом подсушивали, ведь главное было, чтобы он дольше жевался. Когда он во рту, и жуешь, жуешь, жуешь. Блокадных дней…

Блокадных будней откровенья,
Не заслонить забвенья мгле.
Какое это наслажденье —
Жевать обычный черный хлеб!
Да, не кусать и не глотать,
А лишь жевать, жевать, жевать.
Упиться сладостью ржаною,
Остатком жизненных щедрот
И дивной хлебною слюною
Наполнить весь голодный рот.
А чтобы хлеб жевался дольше,
Чтоб растянуть блаженства миг,
Мы режем ломтики потоньше
И на буржуйке сушим их[22].

Вот одно из блокадных откровений. Так вот, представляете себе, что мы почувствовали… Что я почувствовал, увидав этот белый хлеб. Все, что принесла мама, конечно, тоже разделили поровну на четверых. Все. Мама сказала, что вот это подарки. Мы ели, благодарили кого-то, кто эти подарки собрал, кто привез их сюда. И не знали сначала, что мы должны… Кого в первую очередь благодарить за эти подарки. Ну потом мама все-таки проговорилась, и мы узнали, откуда она берет эти подарки. Она сдавала кровь раз в месяц. Можно было сдавать только один раз в месяц. Нов феврале 42-го года она умудрилась обмануть врачей в Институте переливания крови на 2-й Советской и сдать два раза. Вообще, вот, так сказать, здравый смысл не может себе представить, как может человек истощенный – все же были дистрофиками, и мама тоже болела дистрофией – да еще сдавать кровь? Как это можно? И вот люди шли на это. И вот, когда она после второй сдачи пришла домой, она сказала, что она шла два часа. Вот она от угла Невского и Литейного, где находился магазин, где выдавали вот как раз эти пайки, до нашего дома – а там полторы трамвайных остановки всего-навсего – вот она шла два часа. И очень боялась, что не дойдет. Упадет. Она так и говорила, что она больше всего на свете боялась, что она не сможет принести вот это нам. Что она не донесет до нас. Она не за себя

[21] 125 граммов хлеба выдавались по карточкам служащим, детям и иждивенцам с 20 ноября 1941 года по 25 декабря 1941 года. См.: Постановление военного совета ленинградского фронта о снижении норм хлеба от 24 ноября 1941 года и Решение горисполкома об увеличении норм отпуска хлеба от 24 декабря 1941 года (Ленинград в осаде 1995:194,209).

[22] Эти и другие, встречающиеся в этом интервью стихи, написаны самим информантом.

боялась, она боялась, что она нам не принесет. И дедушка тогда сказал: «Так чего же ты не поела? Ведь ты же несла хлеб. Ну поела бы, у тебя и слабость прошла бы». А мама виновато улыбнулась и ответила, что ей это и в голову не пришло. «Как бы я могла есть одна, без вас?» А в марте месяце кровь у нее не пошла. Врач развел руками, велел медсестре налить маме сладкого чая, подождал немного: думали, может быть, от сладкого чая пойдет кровь. Все равно не пошла. Поэтому в марте месяце мама ничего не принесла. А 15 апреля в городе пошли трамваи. Они четыре месяца не ходили, город был парализован и транспортом совершенно… Люди пешком ходили за много-много километров на работу. И мама тоже далеко ходила на работу. А 15 апреля пошли трамваи. Но все это знали, об этом заранее сообщили. И в этот день умер дедушка.

15 апреля в блокаде пошел трамвай.
Звонков разлетелись трели:
«Бодрись Ленинград, оживай!»
Всю зиму мы это ждали,
Валясь от голода с ног,
Бредя через город, мечтали
Услышать трамвайный звонок.
15 апреля, подняв маскировки край,
Мы с мамой в окно смотрели
И ждали первый трамвай.
Объяты тревожной мглою,
Шептали: «Ну где же он?»
И вот, заискрив дугою,
Проехал первый вагон.
Он ехал, гудя мотором,
На стыках рельсов стуча
С тем милым шумом, в котором
Живой Ленинград звучал.
Я радостью просто взорвался
И деда начал будить:
«Вставай, ведь ты собирался
Приятелей навестить.
Вчера ты мечтал, как встанешь
И тихо пойдешь на трамвай,
Назло дистрофии дотянешь.
Трамваи пошли. Вставай!»
Но он спал. Спокойно, без храпа,
Хотя и лежал на спине.
А мама вдруг крикнула: «Папа!»
Потом простонала: «Нет… Нет».
Погладила лоб его стылый,
Сказала: «Пусть спит. Не мешай.
Его уже смерть посадила
В свой черный трамвай».

Мы похоронили дедушку через день на Охтинском кладбище. Маме на работе сделали для дедушки из фанеры гроб. Привезли. Мы заказали автобус. Вот это тоже, между прочим,

забывают, что в апреле месяце уже работали похоронные бюро[23]. И у меня остался даже… Осталась квитанция вот на этот автобус. 17 апреля. Там что-то около 20 рублей стоимость автобуса на Охтинское кладбище. Дедушку там похоронили. Вернулись мы домой, и мама сразу же, не раздеваясь, легла на кровать. А я взял книгу. Решил почитать. Сел на диван напротив нее, но не читалось. Перед глазами стоял вот этот свеженасыпанный холмик дедушкиной могилы. И хотя к этому времени я уже очень много мертвых видел и на улицах, и на нашей лестнице. А вот в моей семье это был первый. И, должно быть, на меня тоже это здорово подействовало, потому что я вдруг спросил у мамы: «Мама, а дедушке там не холодно в могиле?» А мама ничего не ответила. Я тогда чуть погромче говорю: «Мам». Она тоже не ответила, и я тогда со страхом посмотрел на нее. Смотрю, лежит на спине, лицо серое, все черты лица заострившиеся. Все же были кожей обтянутые лица очень. Глаза закрыты, рот закрыт, и никакого дыхания не заметно. Я тогда перевел взгляд на грудь и вижу, что грудь тоже не шевелится. Я тогда вскочил с дивана, закричал: «Мама!» Бросился к ней. Должно быть, я как-то встряхнул кровать, когда вот так подскочил, потому что мамины веки открылись, но там не было никакого выражения. Это были неживые глаза, а я все продолжал повторять: «Мама. Мама. Мама. Мама». И потом вдруг я смотрю, в глазах появилось какое-то выражение. Глаза смотрели в потолок и точно не узнавали. А я, должно быть, все вот так автоматически продолжал повторять: «Мама. Мама. Мама», потому что глаза вдруг немного шевельнулись и перевели взгляд на меня. И тут вот в них уже появилось какое-то осмысленное выражение. Рот у мамы открылся, и раздался голос: ну не ее голос, какой-то чужой голос. И этим чужим голосом она вдруг спрашивает: «Колюша, что с тобой?» Услыхав ее голос, и тут мои нервы совсем не выдержали, я разрыдался и упал к ней на грудь. И чувствую на спине ее руку, она медленно гладит и спрашивает: «Да что с тобой, Коля?» И я сквозь слезы ей ответил: «Я думал, что тоже… Что ты тоже, как дедушка». Мне было страшно произнести: «Умерла». Я не сказал этого слова. Она помолчала, а потом сказала: «Мне кажется, что я уже действительно была там. И только твой крик вернул меня оттуда». Вот это был мой самый сильный страх за всю блокаду. Второй сильный страх, когда я больше всего испугался. А мама сказала: «Ну, если ты меня уже похоронил, значит, я уже не умру». И действительно, выжили мы. Но я забыл еще сказать о той единственной радости 41-го года, вот той зимы, которая была 25 декабря. Когда была первая прибавка хлеба[24]. Вот это была абсолютно неожиданная… Каждое утро мама шла в булочную, чтобы там занять очередь и успеть получить хлеб. Вот и в это утро она тоже пошла. Я тоже проснулся и лежал, ждал, когда она вернется. Я знал, что вот она придет… Когда она придет, зажжем коптилку, растопим буржуйку и начнем хлеб сушить на ней. Вот тогда уже встаем все. А потом слышу – хлопнула входная дверь в квартиру. И мамины шаги, но какие-то такие быстрые, точно радостные. А потом ее голос. Вот она вошла в квартиру, и в потемке квартиры раздается ее голос – это она соседям кричала: «Вставайте скорее. Идите в булочную, хлеба прибавили». Потом открывается дверь, она входит в комнату и кричит: «Вставайте же, радость-то какая: хлеба прибавили». (Смеется.) А мы на нее смотрим и не верим в такую радость. Ну как в такое можно верить? А она кладет хлеб на стол, и мы видим: действительно, хлеб – почти в два раза больше паек-

[23] Трест «Похоронное бюро» не прекращал своей работы в течение всего периода войны и блокады. В его ведение входило строительство моргов и контроль над захоронениями на городских кладбищах, а также транспортировка трупов людей из мест бомбардировок и артобстрелов. До декабря 1941 года трест удовлетворительно справлялся с поставленными задачами. В течение зимы 1941/42 года объем работ похоронного бюро резко увеличился. Рабочие треста не справлялись с вывозом и захоронением большого числа трупов. 16 марта 1942 года одна из печей первого кирпичного завода была приспособлена под кремацию, в результате массовые захоронения на кладбищах были прекращены, работа городского похоронного бюро стабилизировалась. Подробнее об этом см.: Из отчета городского управления предприятия коммунального обслуживания о работе за год войны с июня 1941 по июль 1942 г. раздел «Похоронное дело» (Ленинград в осаде 1995: 319–343).

[24] Информант не ошибся – первое повышение норм выдачи хлеба было принято Горисполкомом Ленинграда 24 декабря 1941 года. Поэтому уже наследующий день, 25 декабря, рабочие получили 350 граммов, а служащие, дети и иждивенцы – по 200 граммов. Подробнее об этом см.: Решение Горисполкома об увеличении норм отпуска хлеба (Ленинград в осаде 1995: 209).

то стал. Потому что вместо 125 нам стали давать 200 граммов хлеба. Вот это была радость. Это начала действовать Дорога жизни. Вот так мы узнали о том, что она начала действовать. Поэтому, когда говорят, что вот кто-то узнал о том, что 22 ноября начала действовать Дорога жизни[25] – это тоже… Это уже позднейшие наслоения на память. Она же была открыта и действовала сначала тоже в строжайшей тайне от немцев. Чтобы немцы как можно дольше не могли о ней узнать, об этой дороге. Вот так прошла зима, потом… Да… Вот перед тем как пошел трамвай, в городе была проведена потрясающая операция по расчистке города от снега и грязи, которая накопилась за зиму. Ведь улицы города что из себя представляли? Огромные сугробы снега. Вдоль домов протоптаны тропинки, которые к апрелю месяцу напоминали уже траншеи, – такие глубокие они были. В последней части улицы машинами прокатана вот колея. И все. И этот снег слежался, смерзся, в этом снегу часто были и мусор, и помои выбрасывали: ведь канализация же не работала, ничего не работало. Были там и покойники. В этом снегу находили, когда чистили. Так вот исполком горсовета издал распоряжение о том, чтобы все приняли участие в расчистке города. Каждый человек должен был отработать определенное количество часов на расчистке города. Те, кто работали, они должны были отработать после работы. Кто не работал – тоже должны были отработать. И вот каждому взрослому выдавался такой вот листочек – там стояли даты, и написано было: «Два часа. Два часа. Два часа». Каждый вот должен был отработать два часа. И вот каждый день работы там отмечался. Чья-то подпись стояла. Этот листочек у нас тоже сохранился. Мамин листочек этот. Ну и мы ребята тоже помогали, хотя нам листочков не давали. Нам необязательно два часа было… Ну как мы… Вот когда нашу Большую Московскую… Как мы помогали? Взрослые ломами, кто чем мог ломали этот самый слежавшийся в лед снег, а мы эти куски брали, грузили на свои детские саночки и отвозили к тому месту, где стояли машины. Вот в чем заключалась наша помощь. И вот тут я должен рассказать еще один случай. Вот то, что сделала моя мама, это, конечно, подвиг. Вот подвиг материнской самоотверженности. Ну кто-то может, наверное, сказать, что: «Ну так и должно быть. Ведь мать – она и есть мать. Она должна жертвовать своей жизнью ради детей». Ну вот я хочу рассказать о том, что такой же подвиг самоотверженности совершил мальчишка всего лишь на год старше меня. Он жил на нашей лестнице. Только мы жили на пятом этаже, а он жил между вторым и третьим этажом. У нас такая вот лестница была, что одни квартиры располагались на, так сказать, на круглых этажах, а другие вбок отходили, между этими этажами. Так вот он жил между вторым и третьим этажом. Я даже не помню его имени, потому что мы все звали его по-дворовому: «Вавила». У него дворовое было… Дворовое прозвище. И вот еще долго потом на лестнице под окном возле его квартиры было нацарапано… Кто-то нацарапал: «Вавила». Так вот память о нем оставалась долго. Обычный мальчишка ленинградского двора. Добрый. Очень добрый. Потому что… Вот у меня тоже в памяти сохранилось… Я-то в бомбоубежище каждый раз уходил, а он каким-то образом смог пробираться на чердак. Во время воздушной тревоги. Потом после воздушной тревоги он на крыше собирал осколки от зенитных снарядов и щедро с нами делился. Ну это было очень интересно. Вот эти осколки, которые падали от взрывов зенитных снарядов, такие зазубренные, бесформенные кусочки железа, обгорелые. Вот он с нами делился ими. А вот когда на наш дом упало много зажигательных бомб, он выпросил у кого-то потушенную зажигательную бомбу, наполовину сгоревшую, и тоже ее показывал нам. Мы все смотрели тогда на нее, а он говорил: «Ты не только смотри. Ты послушай». И вот мы подносили ухо и слышали, внутри этого огарка что-то шипит, потрескивает. И каждый хотел скорее отбросить ее от себя: вдруг она сейчас взорвется? А он смеялся и говорил: «Да не бойся. Это шипит фашистская змея, а жало у нее уже

[25] Дорога жизни, соединявшая блокированный Ленинград с «большой землей» по льду Ладожского озера, начала действовать еще 23 ноября 1941 года, когда этим путем в город были доставлены первые 800 тонн муки. Однако в полном объеме дорога начала работать лишь в декабре 1941 года, что отразилось на нормах выдачи хлеба жителям города, – они были увеличены (об этом см.: Очерки истории Ленинграда V: 228).

вырвано». Это потом я уже узнал, что вот тот химический состав горючий, который вызывает температуру горения несколько тысяч градусов, он потом очень медленно остывает. Бомба вот она погашена, а остывают внутренности медленно-медленно. Долго. И вот это остывание, оно сопровождается как раз вот – то ли кристаллизуется там, то ли что – в результате вот такие звуки она издает. И вот этот Вавила в январе месяце 42-го года пропал. Об этом мне сказала, когда мы встретились на лестнице, его сестра Тамара. Она была ровесницей моей. Я, конечно, удивился. Спрашиваю: «Как пропал?» Она говорит: «Пошел в булочную и не вернулся. Ни хлеба, ни карточек». Я, конечно, говорю: мол, вы его искали? В милицию-то сообщали? Она говорит: «Искали. Все равно не нашли. Ни карточек теперь, ни хлеба». Это было страшно. Это была трагедия – остаться без карточек. А нашли мы Вавилу вот как раз, когда чистили этот снег – лед с Большой Московской улицы. Его нашли в сугробе. Он лежал на боку, прижимая к груди матерчатую сумку с хлебным пайком. А в кулаке были зажаты хлебные карточки. И мы поняли, что с ним произошло. Наверное, когда он возвращался из булочной, он почувствовал слабость, может быть, голова закружилась – это часто бывало с дистрофиками. В таком случае люди обычно присаживались и ждали, как пройдет эта слабость. Вот и он, наверное, тоже это почувствовал, присел на откос сугроба, а потом то ли потерял сознание, то ли уснул. Наверное, упал. И его занесло снегом. И все. Когда сумку раскрыли, вытащили этот хлеб, увидали, что он уже стал черным, как деревяшка такая. Но не заплесневел. Там, очевидно, в нем нечему было плесневеть просто. В том хлебе. Но что нас поразило, всех, это то, что вот на этом хлебном пайке сверху был прилеплен маленький довесочек хлеба. И вот, глядя на этот довесочек, каждый, наверное, подумал, что ведь, если бы Вавила съел этот довесочек хлеба, он бы, может быть, и не умер бы. Но он не мог себе этого позволить. Он знал, что вот он принесет хлеба и весь хлеб разделят на троих. И этот довесочек тоже разделят. И если бы он съел этот довесочек, он бы объел мать и сестру. И вот голодный, умирающий Вавила не смог себе этого позволить. Хлеб мы отдали Тамаре – его можно было размочить и съесть, а Вавилу так и похоронили с хлебными карточками в кулаке. И вот этот одиннадцатилетний мальчишка – ему еще не было даже п лет, шел одиннадцатый год – для меня так и остался символом вот мужества ленинградцев. Мужества и самоотверженности. Вот этого ощущения долга перед… Не только перед своей семьею, но перед всем городом. Вот это, очевидно, и помогло Ленинграду выстоять. Вот это главное. Вот это единение, вот эта самоотверженность, вот эта взаимная поддержка друг друга. Я помню, вот на нашей лестнице на третьем этаже жила девочка. Она переехала к нам с Охты. Их дом был деревянный, его разобрали на дрова, а ее переселили к нам. Ее семью. Ну и как-то так получилось, что мы подружились. Ну какая там дружба? Она на год была младше меня, но, во дворе когда мы были, играли, как-то так оказывалось, что она была рядом со мною. Так вот, однажды встретивши… Когда мы встретились на лестнице… Мы говорили мало в то время. Лестница темная. Все были закутанные, и узнать друг друга тяжело было, но она меня спросила: «Коля, это ты?» Я говорю: «Я». Она тогда протянула руку и сунула в мою руку сухарик. Маленький сухарик. Представляете себе, что это значит – поделиться сухариком? Наверное, вот также разрезанный, высушенный не буржуйках кусочек хлеба. Вот она мне его подарила. А потом после войны она мне рассказывала, что она потихоньку, чтоб никто не слышал, у нее дома пела, адресуясь мне, песенку Дженни из «Острова сокровищ»[26].

Я на подвиг тебя провожала,
Над страною гремела гроза,
Я тебя провожала,
Но слезы сдержала,
И были сухими глаза.

[26] Художественный фильм «Остров сокровищ» (реж. В. Вайншток, «Союздетфильм», 1937).

Ты в жаркое дело
Спокойно и смело
Иди, не боясь ничего.
Если ранили друга,
Сумеет подруга,
Врагам отомстить за него.

Ну вот такая судьба. Потом жизнь нас развела, и осталась только память вот об этой блокадной дружбе. Правда, к сожалению, жизнь с ней потом обошлась тяжело. Уже во взрослом возрасте в 70-х годах ее сбил мотоцикл насмерть. Вот так она кончила. Вот так проходила эта самая страшная зима. А потом… Потом под весну, когда уже совсем потеплело, когда пошли трамваи, когда снега, ни льда не стало, когда полезла первая зелень – вот тут все вспомнили о том, что мы в некотором роде травоядные. Значит, травку можно в еду пустить. Все, конечно, в первую очередь подумали о щавеле или щавеле – как правильно, не знаю, ударение. Сели на трамвай и поехали на окраины, забыв о том, что щавель-то – это не первая травка отнюдь. Тогда вспомнили о крапиве, что крапиву тоже можно, с нее можно щи варить и все. Ну крапивы еще не было. А первой вылезла лебеда. Она вылезла не только на окраинах, но и в городе. Где-то какие-то свалочки были – вот она там полезла. И тут бабушки, которые помнили голод 20-х годов, сказали: «А лебеду тоже можно есть». И мы стали эту лебеду потреблять в пищу. А, действительно, ее… Из нее можно было сварить зеленые щи, вернее, зеленый суп. Он был не очень зеленый, не то что, скажем, из крапивы или из щавеля, но как-то такой зеленоватый цвет появлялся. А вот если пропустить ее через мясорубку и если в эту в зеленую кашицу что-то такое добавить типа муки или хотя бы крошек каких-то, то можно было поджарить, и были… Были лепешки. Были и котлеты – называй как хочешь. Которые тоже были очень вкусные. И, конечно, эта лебеда очень многих поддержала и, может быть, даже тоже спасла. Потому что, хотя нормы и хлеба, и продуктов были уже увеличены к весне, но вот чем дистрофия страшная, что… Есть три стадии дистрофии. И если человек заболевал последней стадией – это уже неизлечимая стадия дистрофии. В организме уже необратимые нарушения, и, что ты не давай, как не корми, какие лекарства не давай – все. Организм истощен необратимо. Он не может уже. Поэтому даже и очень многие те, кто были эвакуированы из города, попав в хорошие условия, они все равно погибали от дистрофии.

Вот поэтому вдоль всех дорог, по которым вывозили из Ленинграда дистрофиков, остались могилы тех, кто погибал по дороге. И там, куда их привозили, иногда очень далеко, за тысячи километров от города, есть кладбища, которые называют либо «блокадными кладбищами», либо их даже «филиалами Пискаревки» их называют. И вот, по самым скромным подсчетам, говорят, что таких не меньше 200 тысяч[27]. Тех, кто не погиб в Ленинграде, но дистрофия достала их там все равно. Ну вот можно вспомнить Таню Савичеву[28] – ее же вывезли в

[27] К сожалению, точное число ленинградцев, погибших в процессе эвакуации из города, до сих пор не установлено. Однако о тяжелых условиях, в которых она производилась, можно узнать и из рассказов блокадников, переживших эвакуацию, и из отчетов о работе начальников эвакуационных пунктов. Так, в документах зафиксировано, что только за три месяца 1942 года на трех эвакопунктах умерло 2200 человек. См.: Краткий отчет о работе медико-санитарной части эвакуационных пунктов Ленинград Финляндский – Жихарево – Лаврово за январь-апрель 1942 года (Ленинград в осаде 1995: 309–310). А по подсчетам М.И. Фролова, за все время эвакуации из Ленинграда только в Вологодской и Ярославской областях, основных регионах, через которые производилась эвакуация населения, умерло 15 000 человек (Фролов 2001: 97).

[28] Таня Савичева – ленинградская девочка, ставшая известной на весь мир благодаря своему дневнику, который она вела в блокадном городе. Дневник Тани Савичевой – записная книжка с лаконичными записями дат смерти членов ее семьи – был привлечен в качестве обвинительного документа на Нюрнбергском процессе (20 ноября 1945-го – 1 октября 1946 года). Дневник вошел в экспозицию Пискаревского мемориала, он стал также основной темой одного из памятников в Алее Дружбы, дополнившей мемориальный комплекс «Цветок жизни» (1968 год).Там были установлены восемь бетонных плит с текстом дневника Тани Савичевой. Авторы памятника – А. Левенков и П. Мельников. Сама Таня была эвакуирована из Ленинграда в августе 1942 года в Горьковскую область, где и умерла 1 июля 1944 года.

Горьковскую область, за нее… За ее жизнь боролись там, лечили, а она все-таки умерла. Вот и тут также дистрофия весною еще добивала очень многих. Но, тем не менее весною нас собрали в школы. Сказали, что будут занятия. Это было в мае месяце. Но, оказалось, что не в трехсотую школу я должен был идти, а сначала привели в какой-то институт на Кузнечном переулке. Пришли мы туда, все еще пришли в зимних пальто, хотя май месяц был, все укутанные. Вот наш второй класс туда пришел. Огромнейшая аудитория, да еще вот такие, амфитеатром. И мы там потерялись просто. Нас и не видно в этой аудитории. *(Смеется.)* И вот несколько дней мы там пробыли, потом сказали: «Нет. Это не годится». И нас перевели в школу на Разъезжей улице. Вот я не помню номер: то ли 299, то ли 294. Странная, конечно, школа. Школа, которая занимала, по-моему, все шестиэтажное здание. Неудобное, конечно, очень здание для школы. И вот я помню эти занятия. Это, конечно, были не занятия. Это было нужно, во-первых, собрать детей, выяснить, сколько же осталось их. Часть была эвакуирована, часть погибла. Вот нужно было выяснить, сколько детей. Во-вторых, и это, наверное, это было главное, нужно было их встряхнуть от этой страшной зимы. Ну кто-то был в лучшем состоянии, кто-то в очень таком вялом состоянии. И вот я помню, какие занятия у нас были, у нас были уроки чтения, пения, рисования. Арифметики не было. Письма не было. Ничего не было. Вот только три этих урока. В основном чтение и пение. Пели все самые любимые песни, чтобы ребята немножко распелись, вспомнили, как это делается. И читали. А читали, конечно, книжки про войну. Или самые лучшие детские книжки. Читала в основном учительница и те, кто хорошо читал. Ну я тоже хорошо читал, поэтому мне часто поручали читать. Ну это было недолго. Потому что в июне месяце занятия прекратились. Все. Вот. А в июне месяце, поскольку стало ясно, что весною Ленинград от блокады не избавили, стали думать уже о новой зиме. Хотя надеялись, что летом будет проведена операция по деблокированию и так далее. И это действительно было, делалось[29]. Но они ни к чему не привели, увы. Успеха не добились. Но задумались о том, что надо город обеспечить овощами. И вот в городе во всех парках и садах стали рыть грядки и сажать овощи. В центральных районах, где было очень мало садов, там стали выковыривать булыжник мощенный и копать грядки. Дескать, потом снова замостим. И даже вот вокруг Исаакиевского собора на Исаакиевской площади, там тоже были грядки. И вот в кинохронике есть кадры, вид – должно быть, кинооператор присел низко, и у него вид на Исаакиевский собор через кочаны с капустою. И в этот же кадр попал, что неподалеку стоит зенитная пушка, вот такая типичная картина блокадного Ленинграда. И у мамы на работе… Ну, как и от многих других предприятий, решили организовать подсобные хозяйства. Тогда это был другой смысл у этого слова. Это была разновидность совхоза. Просто «совхоз» – это «советское хозяйство», расшифровывалось это. А подсобное хозяйство, оно принадлежало какому-нибудь предприятию. То есть им отводилась земля, дома давались где-то в пригородах города. А пригородов у нас ведь всего два было тогда – Парголовский район и Всеволожский район. Вот здесь на Карельском перешейке. Теперь Парголовского района нет, он вошел в город. А тогда был Парголовский район еще. И вот там некоторые деревни прямо отвели под подсобные хозяйства. И вот с маминой работы то же самое – дали деревню Дранишники и сказали: «Вот там организуете подсобное хозяйство». Деревня Дранишники – три километра за Осиновой рощей по Приозерскому шоссе. И мама поехала туда и забрала меня с собой. И вот я очень хорошо помню, это июнь месяц, все еще ходят все равно как сонные мухи. Радуются тому, что уже тепло. Это, конечно, хорошо. Нас погрузили в полуторку, в кузов. И мне показалось, что везли что-то очень долго-долго. И вот от этой дороги, от свежего воздуха, от тряски мы все ослабели, кто сидели там. И вот приехали в эти Дранишники, кто-то подошел, борт откинули, сказали: «Ну слезайте». И никто не слезает.

[29] Действительно, еще в декабре 1942 года Ставкой был разработан план по деблокированию Ленинграда, в результате которого Ленинградский и Волховский фронты должны были объединиться и начать массированное наступление в районе Любани. Однако план реализован не был. Результатом операции стало окружение и разгром 25 июня 1942 года второй ударной армии (см.: Очерки истории Ленинграда V: 289).

Ни у кого нет сил вылезать. Тогда какой-то дяденька, потом выяснилось, что это был директор как раз подсобного хозяйства, который раньше приехал. Меня, значит, берет – я крайний был – на руки, поставил на землю, а я ног не чувствую. Он меня ставит на землю, а у меня ноги не держат, и я на бок. Он меня поднял, поставил, говорит: «Стой». А я опять на бок. Он говорит: «Ты чего?» Я говорю: «А у меня, кажется, ног нету. Я их не чувствую». Он посмотрел на меня, на других, махнул рукой и говорит: «Ай, везите их скорее в столовую. Надо с этого начинать». И вот нас привезли в столовую и каждому дали по тарелке каши. Тогда мне это показалась огромная тарелка, хотя я скоро сообразил, что тарелка-то большая, но мелкая, и каша просто размазана по донышку. *(Смеется.)* Как лиса журавлю размазала. Но все равно это была каша, вкусная-превкусная каша. Как я потом узнал, это была каша из солодового ячменя. Это вот когда варят пиво – там ячмень проращивают каким-то… Специальной технологией, образуется солод, из которого варят пиво. А вот этот проросший ячмень – его не выбрасывают, а складывают на корм свиньям или коровам. И вот на пиво… У нас же несколько пивзаводов было до войны тоже. И вот на каком-то пивзаводе обнаружили эти залежи. И вот в подсобное хозяйство тоже дали – вот из этого сварили кашу. Она сладкая-пресладкая, потому что ячмень проросший, действительно, становится очень сладким. Вот это было первое впечатление от подсобного хозяйства. Потом нас развели по домам, дали один день обжиться, прийти в себя. И вот я хорошо тоже запомнил вот этот первый день: я выхожу из дома, смотрю – зеленый луг и он весь красноватый почему-то. У меня первая мысль была: земляника, кажется. Я бросаюсь туда и смотрю: нет, это щавель, и он красным цветет. Я так обрадовался: щавель! Сколько его! *(Смеется.) Я* тут же набрал щавель. Мама куда-то ушла. А я нашел кастрюлю и вот с этого щавеля варю зеленые щи. Но это был не щавель, это был щавелек – разновидность щавеля. А он отличается тем, что у него маленькие листья и такая вот палка торчит, и эта палка еще цветет наверху. А я все – вместе с палками, со всем. И, когда это сварилось, листьев что-то не найти: одни палки там, больше ничего. Вот я так выяснил, что такое щавелек. А потом разделили на бригады. Я, конечно, попал в мамину бригаду и с маминой бригадой начал работать. В чем заключалась моя работа? Там они работали на каком-то поле сначала. И на этом поле нужно было чего-то сажать. Я уже не помню. Но моя обязанность была костер разжечь. Пусть он горит. Поддерживать огонь. Варить… Кипятить чайник, чтобы все время был горячий чай, потому что все хотели время от времени вот попить чайку. Пусть пустого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.